

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ

15 (28) МАЯ 1921 г.
ВОСЬМОЙ ВЫПУСКЪ

СОДЕРЖАНІЕ:

Идеологія Россійской Императорской Власти	
Единый фронтъ	Н. Тальбергъ.
Мысли бѣженца	Лукьяновъ.
Страницы ушедшаго	Булыгинъ.
Великая ложь нашего времени . . .	Побѣдоносцевъ.
Памяти братьевъ	С. Б.
Письмо коммуниста	А. Старчевскій.
Къ познанію „Совѣтской“ Россіи . .	А. Р.
Открытое письмо къ англичанамъ гене- рала князя Авалова	
Письмо Русскаго Общественнаго Со- бранія къ Пашичу	

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛЬ“, BERLIN-FRIEDENAU
Friedrich-Wilhelm-Platz 13II.

Православный календарь.

Июнь 1921 г.

(30 дней).

- 1/14 Втрн. Св. муч. Иустина философа, Харитона Валеріана, Прп. Діонисія Глушицк. и Агапита Печерск. — Рожд. критика Висс. Григорьев. Бѣлинскаго 1811.
Старинная пословица не мимо молвится.
- 2/15 Срд. Св. Никифора, патр. Конст. Вмч. Іоанна Новаго. — Кончина А. Н. Островскаго (драматурга) 1886.
Веди денежку про бѣлый день, денежку про красный день, да денежку про черный день.
- 3/16 Чтв. Св. Муч. Лукіана, Клавдія, Павла, Діонисія, Павлы дѣвы Перенес. мошей благов. царевича Димитрія, Моск. чудот.
Съ Бога начинай и Господомъ кончай.
- 4/17 Пти. Св. Митрофана, патр. Констант. Преставл. Св. Меодія Пѣсношскаго.
Слово не воробей, вылетитъ — не поймаешь.
- 5/18 Субб. Свмч. Дороея, еп. Тирскаго; муч. Никандра, Аполлона, Леонида. Прп. Θεодора; Блаж. Константина, митр. Кіевскаго. Убіеніе св. благов. кн. Игоя Олеговича Чернигов. Преставл. св. благов. кн. Θεодора Ярославовича.
Родительская суббота.
Родится человѣкъ на смерть, а умретъ на животь.
- 6/19 Вскр. Пятидесятница день Св. Троицы. (Ев. Іоан. VII, 37 62; VIII, 12.) Преп. Виссаріона, Иллариона Новаго. † Преп. Паисія Угличск., Святит. Іоны Пермск.-Устѣвымск., Преп. Іоны Климецкаго. — Рожд. писат. Ив. Алдр. Гончарова 1812.
Что копили, того не заберемъ, а о чемъ не пеклись, то съ собой понесемъ.
- 7/20 Пнд. День Св. Духа. (Ев. Матѳ. XVIII, 10-20) Св. Муч. Θεодота, еп. Анкирск., св. муч. Маркела, еписк. Римскаго. — Побѣда надъ Шведами при С. Михелѣ 1789.
Не потрудиться, такъ и хлѣба не родится.
- 8/21 Втрн. Св. вмч. Θεодора Стратилата; св. Ефрема, патр. Антиохійск. Преп. Зосимы. † Св. Θεодора, еписк. Суздальскаго.
Добрая жена домъ сбережетъ, а худая рукавомъ растресетъ.
- 9/22 Срд. Св. Кирилла, архіеп. Александрінск. Преп. Кирилла, игумена Бѣлозер. Муч. Марѳы и Маріи. — Пожаръ въ Москвѣ 148'. — Учрежд. 1го Народи. училища въ С.-Петербургѣ 1788. — Основ. Университета въ Варшавѣ 1862.
Хорошъ на дѣвкѣ шолкъ, коли въ дѣвкѣ толкъ.
- 10/23 Чтв. Свмч. архіеп. Тимоѳея. Мч. Александра и Антонины дѣвы, св. Вассіана еп. Лавдикійск. Преп. Θεофана Антиох. — Переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай 1877.
Мертвый ничего не скажетъ, а за него спросится.
- 11/24 Пти. Св. Ап. Варѳоломея и Варнавы. † Преп. Ефрема Новоторжск., Варнавы Ветлужск. — Вторженіе Наполеона въ Россію 1812: — Кончина ходожника К. П. Брюллова 1852.
Самъ себя сжегъ французъ, самъ и поморазилъ.
- 12/25 Субб. Преп. Онуфрія, Петра Аѳонск. Арсенія Коневск. Св. благовѣрн. кн. Анны Кашинск. Преп. Онуфрія и Авксентія Вологодск., Стефана Озерск.
На босую ногу всякъ башмакъ впору.

Идеологія Російської Імператорської Власти.

Докладъ А. М. Масленникова на съѣздѣ хозяйственнаго возстановленія
Россіи, Рейхенхаль. Май 1921.

Создавшееся за послѣдніе четыре года положеніе въ Россіи, послѣдовавшее послѣ отреченія Императора Николая II, представляется нижеслѣдующимъ: безвольное и безавторитетное временное правительство не сумѣло или не могло спасти страну отъ анархіи, каковая достигла крайнихъ предѣловъ послѣ провозглашенія Керенскимъ республиканскаго строя въ Россіи. Чуждые русскому народу международные авантюристы, именующіе себя большевиками-коммунистами, воспользовавшись анархическимъ состояніемъ Россіи и невѣжествомъ бунтовавшихъ низовъ населенія, привлекли симпатіи послѣднихъ путемъ низменной и безпринципной демагогіи (пахабный миръ, грабъ награбленное и т. п.). Съ помощью бунтарски настроенныхъ низовъ и, при почти полномъ отсутствіи противодѣйствія со стороны стоявшихъ у кормила правленія Керенскаго и разныхъ социаллистовъ, безотвѣтственные лица захватили власть въ Россіи. Три года правленія большевиковъ, правленія, основанаго на насиліяхъ и грабежахъ надъ производительными элементами населенія привели страну къ нигдѣ не виданному лишеніямъ и ужасамъ, которые въ дальнѣйшемъ грозятъ смертью отъ голода и болѣзней подавляющему большинству населенія. Результаты коммунистическаго опыта управленія Россіей на социалистическихъ началахъ отшатнули отъ большевиковъ почти все населеніе и сдѣлали ихъ власть ненавистною. Вслѣдствіе этого коммунистическое господство въ настоящее время держится въ Россіи не на симпатіяхъ тѣхъ или другихъ классовъ населенія, а исключительно на неслыханномъ террорѣ, опираясь на вооруженныя силы, организованная изъ иноплеменниковъ, иноземцевъ и преступныхъ элементовъ страны. Распыленность населенія, разноплеменность его, взаимная рознь, отсутствіе внутренней спайки и взаимное недовѣріе создаютъ благоприятныя условія для господства горсти „интернаціоналистовъ“ надъ многомилліоннымъ населеніемъ Россіи. Только ненавистью къ коммунистамъ-большевикамъ и невозможностью даже примитивнаго существованія подъ ихъ гнетомъ объясняются повсемѣстно вспыхивающія возстанія противъ нихъ и непрекращающаяся въ теченіи трехъ лѣтъ гражданская война. Попытки освобожденія отъ власти большевиковъ производились и производятся въ двухъ направленіяхъ или путемъ стремленія къ полному ихъ уничтоженію въ самой Россіи или путемъ отдѣленія отъ Россіи новыхъ государственныхъ образований на племенныхъ или бытовыхъ особенностяхъ. Тотъ и

другой способы избавленія отъ большевиковъ не дали положительныхъ результатовъ. Попытки уничтоженія власти большевиковъ путемъ замѣны ея государственною властью, построенною на ихъ началахъ — республика Керенскаго, учредительное собраніе, директорія и диктатуры генераловъ въ конечномъ результатѣ оказались напраснымъ кровопролитіемъ, повергшимъ населеніе еще большимъ ужасамъ и лишениямъ. Ничтожны и результаты и отъ созданія новыхъ государственныхъ образований. Часть изъ нихъ — Казачьи республики, Азербейджанъ и Грузія, провлачивъ жалкое существованіе, полное внутреннихъ волненій вновь поглщены Совдепией, другія же какъ Литва, Эстія, Латвія и даже Польша, лишившись связи съ метрополіей, переживаютъ тяжелый экономическій упадокъ и вслѣдствіе происходящихъ отъ этого внутреннихъ броженій все время находятся подъ угрозою поглощенія ихъ Совдепией. Трудность и даже невозможность наладить собственными силами экономическую жизнь дѣлаютъ эти новообразования даже и при самостоятельности объектами самой хищнической эксплуатаціи со стороны Европейскихъ государствъ. Означенныя выше попытки низверженія власти большевиковъ путемъ замѣны таковой иною властью, несмотря на разнообразіе возглавлявшихъ ихъ организацій власти, сопровождались неизмѣнно однообразными условіями, при которыхъ крушеніе ихъ становилось неизбѣжнымъ. Всѣ эти крайне разнообразныя организаціи власти, несмотря на то, что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ диктатуры генераловъ, временно имѣли внѣшній успѣхъ и, повидимому, сулили, близкое уничтоженіе большевиковъ, — въ концѣ концовъ погибали не столько отъ побѣдъ большевистскихъ вооруженныхъ силъ, сколько отъ внутренняго разложенія. Особенною характерною чертою было то, что массы населеній совершенно безразлично относились къ носителямъ этихъ властей. Когда учредилорцы, директорія или генералы диктаторы занимали ту или другую территорію, населеніе внѣшне подчинялось имъ, но при этомъ для каждаго мало мальски наблюдательнаго человѣка ясно было, что внутренняго авторитета эти власти никогда не имѣли: подавляющія массы населенія не видѣли въ нихъ носителя объединяющей, превыше всѣхъ интересовъ стоящей государственной власти. Да и не только народная масса, но даже тѣ элементы, которые создавали эти власти, подчинялись имъ до извѣстнаго предѣла — „постольку, поскольку“ и какъ бы усматривали въ нихъ не носителей авторитетной государственной власти, а торжество той или другой политической партіи или успѣхъ личныхъ карьеръ энергичныхъ личностей, случайно появившихся на поверхности мятущейся жизни. Печальные опыты за послѣдніе три года только для желающихъ или не умѣющихъ видѣть дѣйствительность въ ея неприкрашенномъ состояніи могутъ создавать иллюзіи

возможности побѣды надъ большевиками путемъ повторенія борьбы подъ вышеозначенными лозунгами.

Возможно, что близокъ часъ, когда доведенное до отчаянiя, умирающее отъ голода и лишенихъ населенiе стихiйно повсемѣстно уничтожить власть большевиковъ, но эта неорганизованная, созданная исключительно злобою и жаждою мести стихiя конечно въ результатѣ, кромѣ анархiи ничего положительнаго дать не можетъ. Для спасенiя Россiи недостаточно только уничтожить большевиковъ. Чтобы вывести страну изъ переживаемыхъ ею ужасовъ и лишенихъ отъ экономическаго разстройства, необходимо созданiе нормальныхъ условiй для возстановленiя творчества производительныхъ силъ страны, а этотъ правопорядокъ можетъ установить только авторитетная, всѣмъ понятная и всѣми признанная государственная власть. Такою авторитетною властью можетъ стать только та власть, которая исторически складывалась въ народной психикѣ, которая была факторомъ созданiя въ странѣ государственнаго правопорядка и, которая явилась результатомъ не тѣхъ или другихъ доктринерскихъ разсужденiй партiйныхъ дѣятелей, а историческаго процесса созданiя Россiйскаго государства. Вотъ почему для разрѣшенiя вопроса — какая же власть въ силахъ умиротворить бушующее нынѣ въ Россiи людское море, преисполненное партiйныхъ, классовыхъ и племенныхъ антогонизмовъ, необходимо не доктринерское разсужденiе о томъ какая власть моднѣе, а внимательное изученiе историческаго процесса созданiя государственной власти въ Россiи и тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ она черпала силы для того, чтобы быть авторитетной въ умахъ и сердцахъ подавляющаго большинства населенiя.

Колыбель государственной власти Россiи Московское Великое Княжество, создавшееся въ мрачную эпоху монгольскаго завоеванiя Россiи. Рядъ талантливыхъ и энергичныхъ великихъ московскихъ князей при исключительно тяжелыхъ условiяхъ сумѣли создать изъ первоначально второразряднаго княжества сильный и здоровый по тому времени государственный организмъ. Въ московскомъ Великомъ княжествѣ сосредоточились не только военная мощь, но главное тѣ моральныя русскiя силы, которыя воскресили угасшее было у русскихъ национальное чувство и стремленiе къ освобожденiю отъ иноземнаго ига. Исключительно благодаря этимъ моральнымъ силамъ, московскiй Великiй Князь превращается въ Русскаго Московскаго Бѣлаго Царя, который не только освобождаетъ территорiю своего государства отъ монголовъ, но далеко расширяетъ границы своего государства за счетъ недавнихъ поработителей. Вмѣстѣ съ ростомъ границы московскаго Царства вырастаетъ и авторитетъ московскаго Царя. Бѣлый русскiй Царь въ народномъ представленiи не грозный только завоеватель и побѣдитель, онъ защитникъ Христiанства, онъ носитель правды,

справедливости, а главное устроитель и защитник мирной и спокойной жизни. Московский Царь не ставленникъ феодаловъ, не равный между ними подобно Польскому Королю, онъ Помазанникъ Божій, превыше всѣхъ стоящій, который призванъ защищать слабаго отъ сильнаго, угнетеннаго отъ угнетателя, предъ которымъ всѣ поданные равны и, для котораго важны интересы не отдѣльныхъ лицъ или классовъ, а благо общее — благо цѣлаго государства.

Хотя ростъ Московскаго Царства за счетъ малокультурныхъ и слабо организованныхъ полуазіатскихъ и азіатскихъ княжествъ и ханствъ происходилъ и безъ особыхъ затрудненій, но созданіе на значительно выросшей территоріи прочнаго государственнаго организма встрѣчало значительныя затрудненія, которыя временами требовали не только тяжелаго напряженія всѣхъ силъ государства, но и угрожали дальнѣйшему его существованію. Эти затрудненія создавались особенною психикой массъ населенія территорій, приобщенныхъ къ границамъ прежняго московскаго великаго княжества. Населеніе Московскаго Царства съ ростомъ границъ увеличивалось главнымъ образомъ за счетъ малокультурныхъ народовъ, со своеобразною, чисто азіатскою психикою, отличительною чертой которой является стихійная смѣна рабской подчиненности бунтарскимъ анархизмомъ.

Эпохи смутнаго времени, разиновщины, пугачевщины и и даже переживаемой нынѣ смуты служатъ прекрасными показателями этой своеобразной, чуждой западнымъ народамъ психики. Только фанатическіе идеологи въ этихъ русскихъ „безмысленныхъ и безпошадныхъ бунтахъ“ могутъ усматривать революціонное творчество русскаго народа. Не революціонное творчество въ исканіи новыхъ болѣе прогрессивныхъ формъ государственной жизни кроется во всѣхъ этихъ бунтахъ, а какое то бессознательное, стихійное, атавистическое стремленіе разрушить государственный организмъ и возвратиться къ первоначальному приволью существованія на племенныхъ, патріархальныхъ началахъ.

Только выросшій авторитетъ Блага Царя могъ справиться съ этою разрушительною стихіей и исключительно благодаря ему въ эпоху Петра, Россія изъ полу-азіатскаго Царства превращается въ европейское государство, правильно присвоивъ себѣ наименованіе Россійской Имперіи. Царствованія Екатерины II и Александра I ставятъ Россійскую Имперію въ ряды первоклассныхъ Европейскихъ государствъ. Войдя въ ряды цивилизованныхъ государствъ Россійская Имперія значительно отличалась отъ нихъ особенностями своего государственнаго уклада, объясняемыми всѣми историческими условіями, при которыхъ она складывалась и развивалась и, которыя неволью дѣлали ее во многихъ отношеніяхъ отсталой въ сравненіи съ передовыми европейскими государствами.

Эпоха Александра II ознаменовалась освободительными реформами, которая, как освобождение крестьянъ съ землею, широкое самоуправление, новый судъ, всеобщая воинская повинность и, наконецъ, подписанныя Александромъ II въ день его кончины начала конституціи, безкровно разрѣшили рядъ важнѣйшихъ политическихъ и социальныхъ проблемъ. Эти реформы создали изъ Россіи правовое государство и благодаря имъ она стала равноправнымъ членомъ среди великихъ европейскихъ державъ не только въ силу своего военного могущества, но и по своему государственному и экономическому укладамъ.

Таковы результаты безпристрастной, исторической справки о прошломъ Россіи, и каждый благомыслящій человѣкъ при рѣшеніи рокового — не только для насъ русскихъ, но и всего человѣчества вопроса — гдѣ же пути для возсозданія мирной и культурной жизни въ Россіи, не можетъ не считаться съ нею. Россія можетъ быть избавлена отъ засилія интернационалистовъ и восстановлена въ былой государственной и экономической мощи только своими внутренними силами и это возсозданіе можетъ совершиться только при единственномъ условіи — признаніи широкими слоями населенія авторитетной и понятной для нихъ государственной власти. Въ комъ же искать авторитетъ носителя верховной власти среди бушующаго моря російскихъ разноплеменныхъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ культуры, народныхъ массъ, которыхъ самъ идеологъ „великой безкровной революціи“ Керенскій назвалъ „взбунтовавшимися рабами“. Стоитъ ли говорить, что уже достаточно было пролито крови и слезъ, чтобы еще доказывать, что этимъ авторитетомъ не можетъ быть анонимъ-учредительное собраніе, которое невѣдомо когда, невѣдомо изъ кого состоитъ и невѣдомо, что постановить. Могутъ ли стать этимъ авторитетомъ словоохотливый неудачникъ отъ адвокатуры, что-то кричащій о необходимости спасенія революціи или воинственный бухгалтеръ, желающій расчленять Россійскую Имперію. Никогда не признаетъ, да и не пойметъ русскій народъ и того честолюбца профессора, который ныря между конституціонной монархией и демократической республикой, то ругая, то обнимаясь съ социалистами, мѣнялъ какъ перчатки свои ориентации. Не вручить еще разъ государственную власть русскій народъ и тому добродушному князю, который стоя уже у кормила правленія не нашель въ себѣ силъ, чтобы бороться съ возрастающей анархией. Тщетно надѣется на получение государственной власти и организаторъ террористическихъ убійствъ и разныхъ ограбленій, который не задумываясь посылалъ экзальтированную молодежь на явную смерть, а самъ позорно сбѣжалъ изъ Учредилки отъ крика полупьянаго матроса. Послѣ всѣхъ ужасовъ современной жизни, увидавъ на дѣлѣ, что могутъ дать социалистическіе опыты въ государственной жизни, русскій народъ никогда не признаетъ

за носителей верховной власти и тѣхъ начетчиковъ социалистическихъ брошюрокъ, которые продолжаютъ кричать о прелестяхъ социалистическаго рая. Крушеніе власти Колчака и Деникина достаточно наглядно показало, что народныя массы ни въ какомъ генералѣ не признаютъ носителя верховной власти. Въ каждомъ генералѣ, какими бы высокими личными качествами онъ не обладалъ, русскій народъ можетъ признать защитника родины, усмирителя бунтовщиковъ, но никогда не носителя верховной власти, т. к. народныя массы не повѣрятъ, чтобы генералъ могъ быть чуждымъ мести и стать выше всѣхъ личныхъ и классовыхъ интересовъ.

Такова народная психика, хороша она или нѣтъ, вопросъ праздный, море крови и слезъ показали, что она такова и иною быть не можетъ. Я нарочно подробно остановился на всѣхъ этихъ претендентахъ на верховную власть въ Россіи и сдѣлалъ это будучи чуждъ желанія полемизировать съ какими либо личностями или партійными организаціями. Я руководствовался исключительно желаніемъ показать кого и что за послѣдніе четыре года противопоставляютъ монархіи принципиальные враги ея и доказать, что массы населенія Россіи при современномъ ихъ психологическомъ состояніи и переживаемыхъ условіяхъ ни въ одномъ изъ означенныхъ претендентовъ носителя верховной власти не признаютъ и признать не могутъ. Трагедія русской жизни заключается главнымъ образомъ въ томъ, что все и вся, кричащее отъ имени русскаго народа, не желаетъ считаться съ настроеніемъ широкихъ народныхъ массъ и навязываетъ имъ въ носители верховной власти тѣхъ лицъ или тѣ учрежденія, которыя имъ нравятся по ихъ партійнымъ или личнымъ воззрѣніямъ. Народъ этому насилію не подчиняется и ко всѣмъ означеннымъ претендентамъ относится въ лучшемъ случаѣ совершенно безразлично. Этимъ насиліемъ надъ народною душой большевики прекрасно пользуются и исключительно благодаря этому они держатся у власти четвертый годъ.

Да, массы населенія російской имперіи стоятъ на невысокой степени культуры, большинство полуграмотно и лишено политическаго и общественнаго воспитанія, но какъ бы невысоко ни трактовали эти массы все таки справедливость требуетъ признать, что они обладаютъ здравымъ смысломъ и во всѣхъ вопросахъ, касающихся ихъ существованія большіе реалисты. Народъ измученъ бывшего европейскою войной и нескончаемой гражданскою, онъ въ подавляющемъ большинствѣ жаждетъ покоя и мирной жизни. Время вѣры заманчивымъ обѣщаніямъ и красивымъ словамъ прошло, т. к. народъ много выстрадалъ за довѣріе къ посуламъ невѣдомыхъ для него ранѣе демагоговъ. Народъ признаетъ и пойдетъ только за той властью, которая не на словахъ, а уже на дѣлѣ доказывала, что можетъ ему дать спокойную и мирную жизнь, которая въ народной психологіи представляется стоящею выше всякихъ партійныхъ и

классовыхъ интересовъ и которая, вслѣдствіе сего, если станетъ во главѣ Россіи, то явится не злобнымъ мстителемъ, а устройтелемъ мирнаго труда и спокойной жизни. Всего три года отдѣляютъ умирающій отъ голода и лишениій русскій народъ отъ того времени, когда онъ жилъ въ нормальныхъ условіяхъ человѣческой жизни. Сопоставленіе того что было и что стало невольно напрашивается и краснорѣчивые всякихъ ораторовъ говорятъ населенію Россіи, что изъ тупика ужасовъ и смерти, въ который завело его легкомысленное довѣріе къ разнымъ доктринарамъ и демагогамъ можетъ вывести только одна исторически сложившаяся власть, создавшая наше государство и эта власть — власть Россійскаго Императора. Гдѣ же искать русскому народу своего Царя? Не только въ силу наслѣдственной пріемственности власти, не только въ силу основныхъ законовъ Россійской Государственности, не потерявшихъ, а наоборотъ укрѣпившихся въ своемъ идейномъ значеніи въ періодъ переживаемой смуты, но и въ силу громаднхъ заслугъ, оказанныхъ Россіи трехвѣковой династіей, пріавшей власть по избранію народа — законный Царь долженъ быть изъ дома Романовыхъ на основаніи законовъ о престолонаслѣдіи. Романовы не на словахъ, а на дѣлѣ показали себя строителями земли русской: они вывели въ началѣ XVIII столѣтія Россію изъ ужасовъ смутнаго времени, изъ полуазіатскаго слабаго Московскаго Царства создали великую европейскую Державу Россійскую Имперію и только они одни въ состояніи при данныхъ историческихъ условіяхъ возстановить Россію въ быломъ ея величіи и силѣ. Пережитое лихолѣтіе смуты безспорно устанавливаютъ, что правъ былъ профессоръ П. Н. Милюковъ, когда, убѣждая Великаго Князя Михаила Александровича не отказываться вступить на Россійскій престолъ, говорилъ, что безъ него Россія не переплыветъ кроваваго моря революціи. Сугубо правъ былъ и Ульяновъ-Ленинъ, утверждая на Съѣздѣ Совдеповъ, что въ Россіи можетъ быть только власть Монарха или власть большевиковъ.

Такъ значить реставрація и реакція скажутъ намъ идеологи русской революціи. Да реставрація исконной, исторически сложившейся власти въ Россіи, отвѣтимъ мы, но это не синонимъ реакціи, это для Россіи единственный путь эволюціи. Реакцію Россія переживаетъ въ неслыханномъ чудовищномъ видѣ. Почву для этой реакціи подготовила керенщина, а палачами ея стали большевики-коммунисты. Только власть Россійскаго Императора въ силахъ прекратить эту гнусную реакцію, установить торжество права и тѣмъ, пробудивъ творческія силы страны, залечить тѣ страшныя раны, которыя нанесли Россіи всѣ эти рыцари пустыхъ словъ, грабежей и насилій. Только теперь послѣ пережитыхъ ужасовъ и позора массамъ населенія Россіи стало понятно какъ дорогъ Россіи Царь и какъ важно нарушенное единеніе Царя

и Народа. Этотъ священный девизъ станетъ не архивною только фразой, лишенной внутренняго содержанія, а претворится въ могучій факторъ государственнаго творчества. Четыре года лихолѣтія испелели всѣ средостѣнія стоявшія между Царемъ и Народомъ и въ будущемъ при полномъ довѣрїи и любви другъ къ другу это единеніе будетъ осуществляться путемъ привлеченія Монархомъ народныхъ представителей, избранныхъ широкими слоями населенія, къ участию въ законодательствѣ, къ утверженію государственнаго бюджета и къ контролю надъ дѣйствіями исполнительной власти. Носители Исполнительной власти — Министры не заслонять будутъ Монарха отъ народа, а, неся отвѣтственность за незаконность своихъ дѣйствій, будутъ пользоваться всею полною властью для государственнаго творчества на благо Россіи. Окраины нашего государства, стойко боровшіяся съ засиліемъ международныхъ большевиковъ, доказали всю необходимость и справедливость признанія за ними самодѣятельности. Эта самодѣятельность должна выражаться не только въ законодательствѣ мѣстныхъ народныхъ представительствъ по всѣмъ вопросамъ, касающимся ихъ мѣстныхъ, бытовыхъ и національныхъ вопросовъ, но и въ управленіи по ихъ мѣстнымъ дѣламъ путемъ назначенія изъ нихъ носителей мѣстной исполнительной власти. Вновь возстановленная на этихъ началахъ верховная власть Россійскаго Императора только одна въ состоянїи спасти погибающую Россію, только одна она исторически сложившаяся можетъ вновь сплотить въ одно цѣлое нынѣ раздираемое ненавистью и истребляющее другъ друга разноплеменное население Россіи. Только одна эта власть вновь пробудитъ въ гражданахъ Россійскаго Государства національное чувство и водворитъ въ шестой части земного шара торжество права и мирнаго труда. Такова наша идеологія Россійской Императорской Власти.

Единый фронтъ.

Однимъ изъ текущихъ вопросовъ нашей зарубежной жизни является выдвинутое Бурцевымъ предложеніе о созданїи единаго фронта по борьбѣ съ большевиками. Съ этой цѣлью имъ же созывается въ Парижѣ „Національный Съѣздъ“, къ участию въ которомъ онъ не допускаетъ „реставраторовъ“ и „крайнихъ лѣвыхъ“.

Какъ мы, монархисты, должны отнестись къ этому, по внѣшней формѣ, желательному, предложенію о совмѣстной борьбѣ въ предлагаемой Бурцевымъ формѣ? Зная внутреннюю подоплеку съѣзда и понимая практическую неосуществимость предлагаемаго „единенія“, можемъ высказаться только отрицательно, совѣтуя нашимъ единомышленникамъ прожить сугубую осторожность къ этому плану задуманному враждебными намъ силами.

Общая борьба съ большевиками необходима. Но она безъ всякихъ соглашеній и взаимныхъ обязательствъ ведется уже давно, съ тѣхъ поръ, какъ монархическія организациі посылали своихъ сражаться въ рядахъ республиканца генерала Корнилова. Возражая на рѣшенное Бурцевымъ исключеніе отъ участія на съѣздѣ „реставраторовъ“ проф. Т. Локоть въ № 5 „Новаго Времени“ правильно говоритъ: „Кто первый взялъ и понесъ знамя борьбы съ большевизмомъ? Кто въ лицѣ прежде всего офицеровъ старой царской арміи — жизнью и кровью несъ жертвы подъ этимъ знаменемъ? Кто смѣетъ, не теряя политической и просто человѣческой совѣсти, сказать, что въ средѣ добровольческихъ армій не было очень и очень многихъ непоколебимыхъ сторонниковъ монархической идеи, т. е. если хотите, говоря радикальнымъ жаргономъ, „реставраціонныхъ элементовъ“. Что же это не были борцы за національное дѣло?“

Конечно и впредь эти „реставраціонные элементы“, составляющіе, смѣемъ думать, основную и именно дѣйственную массу зарубежныхъ русскихъ, стануть, и внѣ зависимости отъ всякихъ противоестественныхъ соглашеній, бороться съ большевиками. Но какъ и раньше, они будутъ видѣть въ послѣднихъ, не отдѣльное самоудовлѣющее явленіе, а составную часть основного зла — революціи.

И вотъ въ этомъ взглядѣ на цѣль борьбы и заключается то крупное разномысліе, которое запрещаетъ настоящимъ монархистамъ итти вмѣстѣ съ тѣми силами, которыя руководятъ Бурцевымъ.

Намъ, цѣль своей жизни видящимъ въ восстановленіи законной монархіи, надо твердо усвоить, что задачей съѣзда и создаваемого единого фронта, является „защита социальныхъ и политическихъ достиженій“ революціи, какъ объ этомъ и писалъ въ одной изъ своихъ статей кн. П. Долгоруковъ и о чемъ не разъ говорилось на страницахъ „Общаго Дѣла“. Говоря проще, цѣль вдохновителей этого дѣла — восстановленіе того революціоннаго, въ сущности, республиканскаго порядка, который прозябалъ до октябрьскаго переворота.

Нечего и доказывать насколько эта задача далека отъ нашихъ монархическихъ желаній. Въ практическомъ отношеніи она также совершенно неосуществима. Искусственное соединеніе теченій преслѣдующимъ одну ближайшую цѣль и рѣзко расходящихся въ пониманіи конечной цѣли кончается лишь большимъ раздоромъ и разгромомъ одной изъ входящихъ въ соглашеніе группъ. Лучшій примѣръ этому созданный ходъ для общей борьбы съ Турціей союзъ Сербіи, Греціи и Болгаріи. Никогда вражда на Балканахъ не была такъ сильна, какъ тогда когда по завершеніи общей задачи выявились отдѣльныя желанія каждой изъ державъ.

Самый вопросъ объ единомъ фронтѣ не новъ. Во время японской войны существовалъ единый революціонный

фронтъ. Его составляли, наряду съ эсъ-эрами, учителями большевикомъ по части убійствъ, и кадеты. Милюковъ застѣдалъ въ Парижѣ вмѣстѣ съ Черновымъ и Азефомъ, тогда виднѣйшимъ дѣятелемъ социаль-революціонной партіи и, совмѣстно съ ними, разрабатывалъ планъ сверженія „царизма“. Во имя той же общей революціонной идеи другой участникъ парижскаго съѣзда кн. П. Долгоруковъ, или его столь же „патріотическій“ братъ, занимались во Франціи противодѣйствиємъ заключающемуся займу, столь нужному въ тотъ моментъ Россіи истощенной войной. Нити этого фронта шли и дальше и доходили, конечно, до Ленина, проживавшаго тогда въ Швейцаріи.

Въ то время кадеты дѣлали ставку на „лѣвыхъ ословъ“, какъ цинично называлъ Милюковъ своихъ тогдашнихъ союзниковъ.

Второй разъ идея „единаго“ фронта выдвинута была во время послѣдней войны. Используя временныя военныя неудачи и обнаружившійся, по примѣру нашихъ союзниковъ, недостатокъ снаряженія, кадеты, учитывая, не угасшій еще патріотическій духъ выдвинули идею о созданіи во имя побѣды общаго „прогрессивнаго блока“. Несмотря на разумныя предупрежденія со стороны правыхъ, многіе націоналисты и октябристы вошли въ это подрывавшее государственныя устои учрежденіе и сдѣлались въ скоромъ времени послушными исполнителями воли создателя блока — все того же Милюкова.

„Общественное мнѣніе единодушно признало 1 ноября 1916 г. началомъ русской революціи“ — захлебываясь отъ восторга, пишетъ бѣжавшій отъ содѣянной имъ революціи, Милюковъ въ только что появившейся его книгѣ „Исторія второй русской революціи“.

И онъ правъ. Въ этотъ именно день прогрессивный блокъ дошелъ до высшей точки своего могущества и... государственной преступности. Бросая съ кафедры клеветническія оскорбленія Династіи, Милюковъ съ торжествомъ и злорадствомъ любовался тѣмъ восторгомъ, съ которымъ эти смертоносныя для воевавшей Россіи слова, встрѣчались огромнымъ большинствомъ Государственной Думы.

Въ то время кадеты гарцовали на „ослахъ“ другой породы, болѣе податливыхъ чѣмъ ослы 1904-1905 г. г.

Будущій безпристрастный историкъ, кропотливо разбираясь въ запутанныхъ событіяхъ новаго смутнаго времени на Руси, съ изумленіемъ будетъ отмѣчать то противостественное явленіе, когда люди по существу своему признававшіеся порядочными, послушно и покорно работали во славу своего господина, протягивающаго одну руку къ англійскому послу Бюкенену, а другой пожимавшаго длани Чхеидзе и Керенскаго.

Теперь намѣчено повторить исторію позорнаго блока, который, все еще не ступавшійся „герой“ бунта, Род-

зянко, недавно въ Бѣлградѣ называлъ „органическою необходимостью“.

Неизбѣжность реакціи и при томъ здоровой, не поддѣльной постепенно выдвигается все больше и больше... Монархическое движеніе бѣдное средствами, но бодрое духомъ, почти не обладающее органами печати, все таки завоевываетъ все новыя и новыя позиціи, заставляя сильно беспокоиться зарубежный революціонный лагерь. Бороться послѣднему трудно — дальше бульварныхъ клеветническихъ выпадовъ дѣло не идетъ. Нужно поэтому попробовать смѣшать карты противника, раздробить его силы, направить его здоровое теченіе въ другое русло. На эту работу снова выпущены кадеты, все еще живущіе по катехизису Кизевевера. Для видимости производятъ расколъ въ кадетскомъ лагерѣ. Милоковъ и Винаверъ оказываются въ лѣвомъ лагерѣ, учитывая свою личную неприемлемость въ противоположныхъ кругахъ. Князь П. Долгоруковъ превращается въ патріота недовольнаго, якобы, линіей поведенія Милокова и, благодаря этому оказывается ближайшимъ сотрудиномъ генерала Врангеля. Специалистъ по насажденію украинской „мовы“, гетманскій Министръ Юстиціи Чубинскій занимаетъ въ Бѣлградѣ среднюю позицію. Въ Берлинѣ Гессенъ и Набоковъ держатъ тонъ оппозиціонный Милокову. Кстати не забыты и большевистскіе круги, куда посаженъ одинъ изъ крупнѣйшихъ кадетъ-Гредескулъ. Либеральнымъ газетамъ приказано писать о крупномъ расколѣ въ кадетскомъ лагерѣ и наивные люди, политическіе младенцы этому вѣрятъ. Но достаточно перечестъ постановленія съѣзда кадетъ въ Парижѣ годъ тому назадъ о необходимости созданія партіи „надпартійныхъ“ союзовъ, съ насажденіемъ туда въ роли руководителей своихъ сочленовъ, о неприкосновенности программы, мѣняемой только, для видимости, изъ тактическихъ соображеній, чтобы увидѣть, что вся эта игра является лишь проведеніемъ въ жизнь намѣченныхъ тогда задачъ.

И еще болѣе понятнымъ становится и идея „національнаго съѣзда“ и „единаго фронта“, являющихся именно тѣми, „надпартійными организаціями“, которыя рекомендовано было кадетамъ всячески образовывать. Въ цѣляхъ раздробленія правыхъ силъ выдвиженіемъ заманчивой задачи — общей борьбы съ большевиками, забывъ на время всѣ партійныя перегородки (кадеты то ихъ не забудутъ) возсоздается новый „прогрессивный блокъ“, на что и указывалось въ одной изъ передовыхъ статей „Общаго дѣла“.

Въ данный моментъ кадеты дѣлаютъ ставки на обоихъ „ословъ“. И неужели найдутся монархисты, которые снова захотятъ впречья въ колесницу Милокова и несознательно выполняющаго его волю Бурцева?

Одинъ изъ немногихъ талантливыхъ публицистовъ настоящаго времени Григорій Ландау, разбирая въ № 142 „Ру-

ля" въ статьѣ „Противорѣчія Революціи“, упоминающую книгу Милюкова, высказываетъ слѣдующія интересныя мысли:

„Безсиліе власти“ объективно устанавливаетъ историкъ (Милюковъ) „чувствовалось уже при монархіи. Оно и было причиной того, что умѣренные элементы, понимавшіе значеніе усиленія власти для благополучнаго исхода войны пошли на революціонный переворотъ“. Я не оспариваю (говоритъ Ландау) правильности указаній, я ужасаясь ей. Ставить государственный максимализмъ цѣлью изнемогающему отъ войны народу, когда нужна диктатура, бороться за парламентаризмъ, и идти на революціонный переворотъ съ цѣлью усиленія власти — во время небывалаго военного напряженія, не терпящаго ни передышки, ни отлагательства, — не безнадежная ли обреченность сказывается въ этихъ противорѣчіяхъ. . . . „Занявшійся заговорами генералитетъ, дума, борющаяся за парламентаризмъ, когда необходимо диктатура, общество стремившееся къ революціи для усиленія власти — на фонѣ преутомленной страны и войска, недовольнаго и сознаващаго недостижимость успѣха. Революція, если такъ называть наступившее паденіе государства, было дѣйствительно дѣломъ національнымъ, именно національнымъ самоубійствомъ“.

И вотъ въ дѣлѣ контръ-революціи намѣчаются тѣ же противорѣчія и готовность идти вновь на національное самоубійство. Нужно бороться съ высшимъ и логическимъ проявленіемъ революціи — большевизмомъ? и эту борьбу собираются производить во славу революціи. . . . Въмѣсто необходимой какъ воздухъ диктатуры лица или законнаго учрежденія, именно теперь, болѣе чѣмъ когда либо плодятся какіе то самозванные, ничего реальнаго за собою не имѣющіе ненужные, совѣты, комитеты, только умѣющіе доѣдать послѣдніе крохи русской казны. Измученный четырёхлѣтней смутой народъ мечтаетъ о Царѣ, который твердой, единоличной властью пресекъ бы все безначаліе, а его хотятъ и впредь кормить революціонной пищей, грядущаго же монарха сдѣлать безличнымъ и безсильнымъ. При такой острой неврастени въ политикѣ контръ-революція близка къ самоубійству.

Вмѣсто выдвигаемаго лѣвыми единенія, нужно совѣмъ другое объединеніе, а именно сплоченіе всѣхъ искренно монархическихъ теченій. Объединеніе это должно охватить всѣхъ монархистовъ вспомнившихъ о данной ими присягѣ и слѣдовательно исповѣдающихъ начала законной монархіи. Подъ такой обще монархическій священный стягъ должны придти и парламентаріи, еще не извѣрившіеся въ своемъ ученіи, и правомѣрные конституціоналисты, думающіе что народъ изстрадался въ ожиданіи либеральныхъ хартій и мы на опытѣ лихолѣтія убѣдившіеся насколько правы мы были исповѣдая необходимость для Россіи Самодержавія. Споря другъ съ другомъ во многомъ не соглашаясь, мы все же

будемъ говорить общимъ языкомъ, думать общую думу о томъ какъ возсоздать нашу дорогую, несчастную Россію. Пусть подъ этотъ стягъ съ очищенною испытаніями совѣстью и просвѣтленнымъ умомъ придутъ и прежніе кадеты и социалисты, чистосердечно увѣровавшіе въ спасительность для нашей Родины монархическаго образа правленія.

Тамъ въ этомъ объединеніи не должно быть только мѣста партіямъ „крови“, начиная съ эсъ-эровъ и, кончая ихъ способными учениками, а также кадетамъ какъ партіи республиканской и массонской. Кадетская партія не отмѣнившая постановленіе 7 и 8 конгрессовъ партіи, имѣвшихъ мѣсто въ апрѣлѣ и маѣ 1907 г. о томъ, что она является партіей республиканскою — опредѣленно враждебна монархическому движенію. О связяхъ же ея съ массонствомъ проговорился недавно Гессенъ въ своемъ некрологѣ посвященномъ памяти давнишняго члена центрального комитета партіи Кедрина, указывая на его крупную непрекращавшуюся до смерти работу въ парижскихъ ложахъ.

Часть спасенія, быть можетъ ближе, чѣмъ мы думаемъ. „Ибо еще немного, очень немного и Грядущій придетъ и не умедлитъ. Праведный вѣрою живъ будетъ, а если кто поколеблется, не благоволитъ къ тому душа моя.“ (Аввак. 2, 3-4) Мы же не изъ колеблющихся на погибель, но стоимъ въ вѣрѣ ко спасенію души“ (Посл. Св. Апостола Павла къ Евреямъ гл. II, ст. 37-39).

Въ этотъ двѣнадцатый часъ не колеблясь останемся при нашихъ прежнихъ вѣрованіяхъ, опредѣленно размежуемся на два стана. Въ одномъ будемъ мы монархисты всѣхъ толковъ, въ другомъ — въ пріятномъ сообществѣ съ большевиками, пусть останутся всѣ республиканцы и революціонеры.

Для насъ можетъ быть только одинъ единственный фронтъ-м о н а р х и ч е с к і й .

Н. Тальбергъ.

„Мысли Бѣженца“.

... Вечерѣтъ. Трясусь я въ грязенькомъ, третьеклассномъ вагонѣ берлинскаго ринъ-бана. Противъ меня сидитъ худощавый господинъ, борода съ просѣдью, нервно кура скверную папиросу. Странно одѣтъ: зимнее пальто съ сильно потертымъ барашковымъ воротникомъ и фетровая шляпа; навѣрное русскій!

Такъ и есть — вытаскиваетъ изъ кармана „Новый Миръ“ и углубляется въ чтеніе. Мелькаетъ мысль — не большевичокъ-ли? Любопытно-бы поговорить. Пользуюсь минутой, когда незнакомецъ поворачиваетъ листъ газеты и аккуратно ее разглаживаетъ — обращаюсь съ традиционнымъ вопросомъ: Простите, вы давно изъ Россіи? Быстрый, испытующій взглядъ изподлобья. — Н-нѣтъ, недавно. И, помолчавъ,

Ну, — такого случая упустить нельзя. Мой сосѣдъ сложилъ газету, хитро и добродушно на меня посматривая. — Что-же, будете спрашивать, къ чему все это въ Россіи приведеть? Такъ я вамъ ужъ лучше сразу скажу — къ совѣтской монархіи, вотъ къ чему!

— То-есть, собственно, какъ-же это? — не поняль-я нѣсколько неожиданный для меня терминъ.

— Да такъ, очень просто — знаете, Царь и народъ — и долой господъ, жидовъ и коммунистовъ. Мужичья монархія. Царь — и совѣты земледѣльцевъ на мѣстахъ. Потому что городовъ нѣтъ больше — рабочіе все равно фабрики бросятъ, съ голоду-то, въ деревню придуть каяться. Только еще примудри, достать-ли? Вѣрнѣе скажутъ — „Богъ подастъ, иди своей дорогой“.

Сосѣдъ говорилъ торопливо, немного сбивчиво, но охотно.

— Ну, хорошо, предположимъ — но какъ-же все это по вашему произойдетъ? Вѣдь вашъ Кронштадтъ-то подавили — и дальше вѣроятно такъ будетъ, на каждую вспышку — карательная экспедиція, разстрѣлы. Да теперь еще договоры — съ Англіей, Германіей. Вѣдь это-же ихъ укрѣпляетъ? Простите, что я къ вамъ присталъ — но если вамъ не очень лѣнь — расскажите подробнѣе. У меня, видите-ли, манія — я хочу ѣхать въ Россію, самому посмотрѣть, что тамъ дѣлается, прочувствовать. И очень жадно набрасываюсь на всѣхъ; кто оттуда. И вдругъ вы меня огорошили — „совѣтская монархія“! Это что за новость? Если вамъ не слишкомъ надоѣло все это повторять, вѣроятно въ сотый разъ — понатужьтесь, расскажите!

Бородачъ усмѣхнулся. Онъ, видило, самъ былъ, не прочь подѣлиться своими мыслями.

— Что-жъ, ладно, расскажу, — да только ругаться станете, скажете — Жюль-Верномъ васъ угощаю? А, впрочемъ, все равно — ругайте. Я, видите-ли, у „нихъ“ служилъ — какъ-же теперь иначе — такъ вотъ, по продовольственной части. Ѣздилъ по нашимъ „сѣвернымъ коммунамъ“, ревизовалъ тамъ кого-то. И вотъ какъ я себѣ все это представляю.

Во первыхъ — и прежде всего: вѣрите-ли вы въ европейскую революцію? Я — вѣрю. И вотъ почему.

Онъ весь какъ-то подтянулся и сталъ говорить совѣмъ другимъ складомъ рѣчи — видимо, дѣйствительно повторялъ уже въ сотый разъ тоже самое — и мысль привычно бѣжала по уже протореннымъ тропинкамъ, выявляясь въ выраженіяхъ и оборотахъ, чуждыхъ его обычному разговорному языку.

... И вотъ почему: читали-ли вы англо-совѣтскій и германо-совѣтскій торговые договоры? Особенно послѣдній? Вѣдь заключеніемъ этого договора буржуазная Европа подписала смертный приговоръ — морально подписала — то-

му, на чемъ она только и держится: незыблемости идеи права собственности. Не забудьте, что въ этомъ литературномъ произведеніи есть параграфъ, смыслъ коего сводится къ слѣдующему: на германской территоріи не можетъ быть возбуждено никакого судебного дѣла о возвращеніи прежнему собственнику его имущества, если таковое было ввезено въ Германію представителями Р. С. Ф. С. Р., какъ имущество означенной республики.

Представьте себѣ милый случай — ѣдете вы вотъ такъ въ рингъ банѣ и сидящій рядомъ съ вами еврейчикъ вынимаетъ изъ жилетнаго кармана ваши-же золотые часы, съ вашей монограммой, оставленные вами въ моемъ сейфѣ въ Петроградѣ. Предположимъ даже, что банковская квитанція у васъ сохранилась, съ описаніемъ этихъ часовъ — т. е. вы можете доказать, что эти часы — ваша собственность. И даже этотъ еврейчикъ — какой-нибудь вашъ прежній дантистъ или мозольный операторъ — говоритъ вамъ — да, это тѣ самые ваши часы. Вы ихъ оставили въ сейфѣ. Они были мною, въ качествѣ банковскаго комиссара, экспропрированы на основаніи очереднаго декрета, а потомъ я получилъ ихъ за заслуги передъ міровой революціей — организовалъ рѣзню въ Мюнхенѣ, во время первой нѣмецкой революціи. И этихъ часовъ вы обратно не получите — германское правительство на основаніи послѣдняго договора признало грабежъ законной базой для установленія новаго права собственности. И если эти часы вы у меня отнимете — то воромъ будете вы и наше посольство подастъ на васъ въ буржуазный германскій судъ — ибо эти часы, какъ и эти брюки, какъ и все на мнѣ — собственность Р. С. Ф. С. Р.

Скажите, развѣ не правъ будетъ германскій рабочий, если онъ скажетъ: намъ твердятъ здѣсь, что нельзя колебать идею незыблемости права собственности, ибо на ней построена вся идеологія буржуазнаго міра. Но буржуазный міръ самъ призналъ возможнымъ нарушеніе своего основнаго принципа. Если этотъ принципъ можетъ быть нарушенъ въ Германіи по отношенію къ русскому подданному, то онъ можетъ быть нарушенъ и по отношенію къ германскому.

И такой рабочий будетъ совершенно правъ и послѣдователенъ. Западная буржуазная идеологія покончила свою жизнь самоубійствомъ... А читайте газеты, посмотрите какая ненависть породжена версальскимъ миромъ, — сколько націй ослаблено раздробленіемъ, сколько создано нежизнеспособныхъ организмовъ, какъ сильные націонализмы натравливаются другъ на друга. Все во славу интернационала.

Такъ вотъ, изъ этого-то убѣжденія въ неизбѣжности европейской революціи я и исхожу. И выводъ дѣлаю обратный, нежели дѣлаютъ коммунисты: она въ нашихъ интересахъ, ибо при ея наличіи комиссарская власть падетъ значительно скорѣе и безболѣзненнѣе, чѣмъ при существованіи нынѣшнихъ правительствъ Европы.

Онъ откинулся назадъ, любуясь моимъ недоумѣніемъ.

— Видите-ли, картину я себѣ представляю приближительно такъ: коммунисты держатся пока еще у власти благодаря тому, что возстанія происходятъ не организовано и разновременно, — а комиссары имѣютъ возможность перевозить съ мѣста на мѣсто инородческія и отборнокоммунистическія ударныя группы, которыя и разбиваютъ по очередно возставшихъ (система, практиковавшаяся германцами во время міровой войны). Самый опасный врагъ коммунизма — все прогрессирующая фактическая децентрализація власти, являющаяся логическимъ послѣдствіемъ паденія транспорта; настанетъ время, когда ударныя группы должны будутъ передвигаться только походнымъ порядкомъ, когда телеграфъ и телефонъ перестанутъ дѣйствовать, — ибо физически невозможно будетъ поспѣвать чинить попорченные разными повстанцами провода, когда города будутъ безъ подвоза фактически вымирать съ голоду и населеніе ихъ устремляться въ деревни — а съ паденіемъ городовъ, главныхъ очаговъ централизаціи и коммунизма, — все вліяніе медленно, но вѣрно перейдетъ въ сѣрую глубину деревень, коммунизма не пріемлющихъ. . . .

— Но вѣдь совнаркомъ усиленно покупаетъ и заказываетъ сотни паровозовъ — прервалъ я его. Онъ отмахнулся.

— Вѣрно — но это вѣдь только жестъ для успокоенія однихъ и устрашенія другихъ. Хотѣль-бы я посмотрѣть, какъ новенькій шведскій или германскій паровозъ потянетъ груды дышащихъ на ладанъ вагоновъ — да вѣдь они рассыпятся моментально. А перержавѣвшія рельсы съ разболтанными стыками? А какъ будутъ мигомъ разлѣзаться перегнившія шпалы — сколько времени ихъ не мѣняли? Вѣдь новыхъ не достать — нѣтъ лѣсопильныхъ машинъ, нѣтъ поблизости лѣса — все пущено на топку тѣхъ-же паровозовъ. И издали не привезешь — все то-же отсутствіе транспорта! А четыре года не чинившіяся насыпи, расплзающіяся въ разныя стороны? Кто ихъ починитъ? Еле-живые отъ голода мобилизованные буржуи? А гдѣ взять достаточное количество инструмента? А взорванные мосты? И въ какое состояніе будутъ приведены эти новенькіе паровозы, послѣ мѣсяца топки сырыми дровами, отсутствія смазки и аккуратнаго „коммунистическаго“ ухода?

Вѣдь при вспыхнувшей на Западѣ революціи большевикамъ оттуда машинъ и запасныхъ частей уже не видать — все пойдетъ прахомъ еще скорѣе, чѣмъ въ Россіи. Вѣдь тутъ у васъ, на западѣ, культура дошла до тѣхъ предѣловъ, когда пріостановка всей машины явится синонимомъ чудовищнаго катаклизма. . . .

— Ну — а красная армія? Вѣдь это-же все-таки сила?

— Красная армія, надо полагать, вѣроятно распадется. Часть ея — наиболѣе боеспособная — то, что стало за 7

лѣтъ „профессиональными солдатами“ — уйдеть далеко на западъ, въ роли „авангарда мировой революціи“. Гдѣ она погибнетъ — въ Испаніи, въ Голландіи? Не все ли равно?

Другая часть разбѣжится по домамъ, — съ оружіемъ, разумѣется — это будетъ повстанческій кадръ на мѣстахъ сила мѣстнаго сопротивленія всему, извнѣ приходящему.

Третья часть — эта будетъ позначительнѣе — разобьется на шайки (батальонъ, рота, дивизія) и будутъ ходить „пугачи“ по лицу Матушки-Россіи, съ вольницей изъ тѣхъ профессионаловъ гражданской войны и авантюризма, что съ 17-го года привыкли жить широко, винтовкой и грабежомъ, безъ завтрашняго дня. Сколько времени они просуществоуютъ? Можетъ быть годъ, можетъ быть — три. Начнутъ постепенно осѣдять — имъ стануть платить откупъ, а они обяжутъ за это защищать платящихъ отъ набѣговъ „чужаковъ“; потомъ сговорятся съ сосѣдними шайками — и этимъ положить начало какой-то ячейкѣ государственнаго начала — будетъ „армія“ и „гражданское самоуправленіе“; послѣднее будетъ, вѣроятно, олигетворяться тѣми же, нѣсколько видоизмѣненными, совѣтами; показательными въ этомъ отношеніи были и лозунги нашего кронштадтскаго возстанія. Почему хотѣтъ совѣты? Да потому, что всякое иное правительство — будь то Учредилка или Врангелевскій „Русскій Совѣтъ“ — пріѣдетъ откуда-то уже готовымъ, чужимъ и — Богъ его вѣдаетъ — можетъ опять „вреднымъ“. Посадить то моль новое правительство недолго — а вотъ подика, сбрось его, какъ плохо окажется? А совѣты, да еще по хорошему, „по Божески“ выбранные — это свое, вѣрное. Напуганы и не вѣрятъ в се м у, и з в н ѣ п р и х о д я щ е м у . . . и къ тому времени все большее и большее значеніе, по мѣрѣ уменьшенія остроты борьбы, будетъ пріобрѣтать въ мѣстной жизни п р и х о д ѣ . Ибо только одна Церковь сможетъ дать намъ тотъ общій языкъ, на которомъ заговорить вся Россія.

А послѣдніе осколки красной арміи — застрявшіе приуспокоенныхъ части интернаціональныхъ баталіоновъ — будутъ уничтожаться повсюду, какъ населеніемъ, такъ и бродячими „пугачами“ — пока не будутъ истреблены до послѣдняго человѣка. . . .

Мы безспорно вернемся къ тѣмъ временамъ, когда если не изъ Петрограда въ Москву, то изъ Казани въ Севастополь придется ѣздить „на долгихъ“ . . . .

Я глубоко увѣренъ, что уже черезъ годъ — два послѣ паденія власти комиссаровъ и наступленія анархіи начнетъ то тамъ, то здѣсь, все чаще и чаще, громче и громче, раздаваться слово „Царь“. Вотъ когда только наступитъ время монархистамъ (а ихъ ой какъ много) выйти изъ тѣни, въ коей они до того времени, вѣроятнѣе всего, будутъ пребывать — и направить движеніе по заранѣе выработанной про-

граммъ. . . . И только и будетъ у всѣхъ одинъ и тотъ-же лозунгъ: Богъ, Царь, Народные совѣты. . . .

Конечно, крупнѣйшую роль сыграетъ приходъ и приходскіе совѣты; будутъ и областные совѣты; а во главѣ областей потомъ уже стануть „царскіе воеводы“ . . . Трудно все это предугадать заранѣе? Судиться навѣрно будутъ ходить къ приходскимъ священникамъ. . . .

А только „области“ — то эти, мнится мнѣ, будутъ куда меньше нынѣшнихъ губерній . . . Вѣдь надо считаться съ тѣмъ, что тотъ процессъ ф а к т и ч е с к о й децентрализаціи, о которомъ я говорилъ, уже давно начался. Съ 18-го года благодаря той безднѣ разрѣшеній, что требуется для всякаго передвиженія съ мѣста на мѣсто, создалось положеніе, при которомъ человѣкъ теперь думаетъ о поѣздкѣ изъ Твери во Ржевъ, какъ онъ раньше думалъ о поѣздкѣ изъ Москвы во Владивостокъ — и, что особенно важно, интересы жителя Ржева столь — же нынче чужды тверитянину, какъ интересы обитателя Владивостока были чужды Москвичу.

Это важно потому, что вслѣдствіе уже происшедшей п с и х о л о г и ч е с к о й децентрализаціи, замѣнившей „гражданъ Россіи“ патриотами своей колокольни — Россія на долгое еще время не будетъ нуждаться въ центральномъ представительномъ органѣ. Все, что я вижу въ этомъ отношеніи впереди — это по мѣрѣ нужды созываемый Царемъ Земскій Соборъ, для рѣшенія особо важныхъ вопросовъ. Конечно, первымъ будетъ тотъ Церковно-Земскій Соборъ, который возведетъ законнаго Царя на Престоль . . . Но Царь долженъ быть именно з а к о н н ы й — вы не можете себя представить, какъ это важно — мужикъ вѣдь не вѣритъ уже никакимъ приказамъ, воззваніямъ, декретамъ разныхъ властей и правительствъ — сначала вѣрилъ — теперь не вѣритъ. И будетъ бояться, что царя ему „подсунуть“ ненастоящаго, не законнаго — и манифесты его тогда будутъ ненастоящіе, и „права“ онъ дастъ спорные, не настоящіе. Повѣрьте, законность Царя — вопросъ, въ которомъ мужикъ будетъ считать себя исключительно заинтересованнымъ. Вотъ почему въ Россіи никакого бонапартизма быть не можетъ — мужикъ скажетъ: какой-же ты царь, если вчера ты былъ тамъ генераль или адвокатъ? Царь долженъ быть законный, природный.

Думается мнѣ, что совѣтское внутреннее устройство вѣроятно лучше всего разрѣшитъ всѣ вопросы и такъ называемаго „самоопредѣленія“ — ибо латыши, эстонцы, грузины и др. инородцы будутъ фактически пользоваться полнѣйшимъ самоуправленіемъ — ничѣмъ при томъ не отличающимся отъ самоуправления какой-нибудь сосѣдней Псковской, Витебской или иной губерніи . . .

— Скажите, а религиозный подъемъ въ Россіи очень великъ?

— Еще-бы. Спасибо — вы мнѣ напомнили еще важнѣйшій вопросъ — вопросъ, надъ которымъ надлежитъ очень и очень позадуматься нашимъ духовнымъ отцамъ: это то самое религиозное движеніе, которое будетъ моторомъ и монархическаго движенія. Надо учесть, что въ условіяхъ жизни „коммунистическаго рая“ религиозный подъемъ можетъ принять — и, я бы сказалъ, уже принимаетъ — самыя неожиданныя формы — что до-революціонное православіе можетъ показаться слишкомъ прѣснымъ для людей, жаждающихъ аскетизма и религиознаго экстаза; что возможно стихійное уклоненіе въ хлыстовство, скопчество и иныя изувѣрскія секты; это движеніе надо предугадать и подготовить пути къ направленію его въ надлежащее русло. Мнѣ оно видится въ сліяніи со старообрядчествомъ — сохранившимъ въ наиболѣе чистомъ видѣ не догматику, но духъ русскаго православія — подвижническаго, богобоязненнаго и вѣрно-подданнаго.

Надо помнить, что такое именно выявленіе стихійнаго народнаго движенія, долженствующаго возсоздать дѣйствительно русскую, церковно-народническую и, на первое время, — повторяю, — „совѣтскую монархію“ — единственный путь для полнаго освобожденія Руси (конечно, при наличіи европейской революціи) — отъ ига западной культуры и связанныхъ съ ней — золотой валюты и іудейско-масонскаго вліянія...

Къ тому времени, когда Россія станетъ на ноги — движеніе въ западной Европѣ будетъ уже вѣроятно приближаться къ своему естественному концу: какъ въ Россіи вымрутъ города и жизнь перейдетъ въ деревни — такъ въ Европѣ вымрутъ тѣ страны, которыя по отношенію ко всей Европѣ играли роль „городовъ“ ... Пламя европейскаго пожара уже будетъ потухать и только въ странахъ по преимуществу земледѣльческихъ будетъ еще теплиться кое-какая жизнь ...

Вотъ тогда-то Россія, ставъ на ноги, — протянетъ тѣмъ, кому она захочетъ, руку помощи и спасенія...

Я не говорю вамъ, что я всего этого хочу — я говорю только, что такъ будетъ ...

Въ словахъ моего собесѣдника звучала глубокая вѣра въ то, что онъ говорилъ, почти фанатическое убѣжденіе... И передъ моими глазами началъ приподниматься уголокъ завѣсы, скрывающей отъ глазъ непосвященныхъ то великое „очищеніе черезъ страданіе“, которое всегда оказывалось столь тѣсно сплетеннымъ съ судьбою русскаго народа въ великія и тяжелыя минуты его исторіи...

Но я хотѣлъ использовать полностью настроеніе своего случайнаго попутчика.

— Ну, а вдругъ Европа устоитъ и европейской революціи не произойдетъ? откровенно говоря, я въ такую возможность самъ не вѣрю — но тогда что?

Онъ помолчалъ и вяло заговорилъ.

— Тогда положеніе будетъ хуже. При европейской революціи можно надѣяться на возстановленіе Монархіи въ Россіи лѣтъ черезъ 6—7, — безъ этой революціи — кладите всѣ 15. Конечно, процессъ децентрализаціи будетъ въ Россіи развѣиваться такъ же — но онъ будетъ искусственно замедленъ иностранными концессионерами и поддерживающими ихъ, ихъ правительствами. Локализовать этотъ процессъ все равно не въ ихъ силахъ, ибо зап. Европѣ самой для себя нужно все то, что требуется Россіи одновременно и въ колоссальныхъ количествахъ. Затянется дѣло и благодаря посылкамъ машинъ, специалистовъ и пр. Но только затянется. И заинтересованность иностранцевъ въ сохраненіи коммунистами власти послѣднихъ не спасетъ отъ неизбежной гибели, — она наступитъ такъ же и по тѣмъ же причинамъ, что и при наличіи процесса европейской революціи. — Только при подобныхъ условіяхъ полная децентрализація настанетъ въ Россіи не въ теченіе года, какъ при европейской революціи, а черезъ два и три. Надо помнить, что зап. Европа руководится буржуазнымъ классомъ (большинство зап. монархій нынче тоже обуржуазилось благодаря парламентаризму и потеряло свой над-классовый характеръ). Буржуазный классъ — какъ и всякій классъ, взятый отдѣльно отъ совокупности всѣхъ классовъ — народа — прежде всего заботится о своихъ эгоистическихъ, классовыхъ интересахъ; онъ, конечно, по той же причинѣ, смотритъ на вещи односторонне — и не видитъ общей картины положенія, не понимая что поддерживая коммунистовъ — самъ роетъ себѣ могилу; руководящій Европой буржуазный классъ (въ своей очередь руководимый капиталистами — юдеями), получивъ подачки отъ коммунистовъ (заказы, концессіи), будетъ заинтересованъ въ ихъ пребываніи у власти; большинство же комиссаровъ весьма охотно откажется отъ коммунистическихъ теорій („мировая революція), чтобы сохранить власть. Вѣдь на „русскомъ опытѣ“, какъ его принято теперь называть, передъ лицомъ всего свѣта доказано, что вѣнецъ стремленій социалиста — это стать самому „буржуемъ“... Зиновьевъ, Литвиновъ, Красинъ, Воронский, Троцкій — тому примѣръ.

Вопросъ въ томъ — успѣютъ ли они отказаться отъ европейской революціи, не поздно-ли, не возрастутъ ли ужъ и безъ ихъ помощи брошенные ими раньше красныя сѣмена...

Когда же въ Россіи наступитъ неизбежный періодъ анархіи — вѣроятно начнутся иностранныя оккупации — „для охраны интересовъ (концессій) своихъ подданныхъ“... Но еще неизвѣстно, не заразятся ли при этомъ сами оккупанты? А если нѣтъ, то оккупации все равно цѣли не достигнутъ — онѣ только затянутъ и вгонять процессъ вглубь. Онъ рано или поздно вспыхнетъ — и — на горе пришель-

цамъ, ставшимъ въ глазахъ населенія союзниками концессіонеровъ и ихъ друзей — коммунистовъ.

Конечно, роль посредниковъ между оккупантами и населеніемъ будутъ играть тѣ-же ненавистные іудеи.

Вотъ тутъ-то не дай Богъ монархистамъ повторить ошибку гетманской Украйны; конечно будетъ нѣкоторая опасность созданія западническими группами (провокадескаго толка) парламентарной псевдо-монархіи. Но противъ созданія такой каррикатуры на монархію, какъ несущей съ собой цѣпи чужеземнаго рабства, монархіи анти-національной и анти-народной — намъ надо будетъ бороться всѣми силами. Русскій Царь не можетъ быть вассаломъ или игрушкой въ рукахъ иностранныхъ хищниковъ и угнетателей своего народа. И даже до восшествія Царя на Престолъмы, монархисты, не имѣемъ право пачкать святой стягъ Монархической Идеи содружествомъ съ эксплуататорами нашей родины.

Впрочемъ, не вѣрю я что-то въ эту опасность — наши доморощенные западники, вѣроятно, попробуютъ устроить республику — буржуазную, конечно. Да будетъ-же имъ земля пухомъ.

Всероссійскій взрывъ противъ нашествія иноплеменниковъ — взрывъ типа 1812 года — произойдетъ, конечно подѣ религіозно-монархическимъ стягомъ. И такъ какъ это будетъ революціонно-монархическимъ движеніемъ — то противъ оккупантовъ и ихъ агентовъ будетъ снова выдвинутъ революціонный-же лозунгъ — совѣты; и снова будетъ у насъ періодъ „совѣтской монархіи“, народной монархіи. Правда, что борьба съ иноплеменнымъ нашествіемъ можетъ постепенно централизовать и милитаризовать возродившуюся Россійскую Имперію — и тогда какъ-бы Россія не сыграла для Европы роль Франціи начала восьмисотыхъ годовъ... Посыпятся тогда кругомъ гнилыя, хищническія республики... И всетаки и въ данномъ случаѣ первую и главную роль сыграетъ совѣтско-монархическій лозунгъ.

И этотъ лозунгъ пора-бы ужъ и теперь выбрасывать монархистамъ всѣхъ отгѣнковъ. Дѣло въ томъ, что...

Вдругъ мой еобесѣдникъ сорвался съ мѣста и стремительно выскочилъ изъ вагона на дебаркадеръ; я высунулся въ окно: — ужъ Александръ-Плаць — я двѣ лишнія станціи изъ за васъ проѣхаль, чортъ васъ подери! — крикнулъ онъ угрожающе...

Я рѣшился почти дословно воспроизвести свой разговоръ съ безымяннымъ бѣженцемъ изъ Кронштадта, ибо нѣкоторыя изъ высказанныхъ имъ мыслей мнѣ теперь представляются менѣе дикими, чѣмъ показались сначала.

И все слышанное навело меня на слѣдующія размышленія.

Дѣйствительно, программы нашихъ монархическихъ организацій въ области формъ будущаго государственнаго строительства должны были-бы распадаться на два совершенно самостоятельныхъ момента: 1). программа дѣйствій до факта возстановленія въ Россіи Монархіи 2). послѣ возстановленія таковой.

Къ сожалѣнію, большинство организацій, довольно единообразно говоря о томъ, какой порядокъ будетъ въ Россіи при Царѣ, не разрабатываетъ достаточно детально вопроса, какими путями Монархія будетъ возстановляться, т. е. какимъ образомъ будетъ строиться Россія до момента восшествія на Престоль законнаго Монарха.

Въ №3 „Двуглаваго Орла“ помѣщена талантливая статья „Мы и они; въ ней логично и послѣдовательно доказывается, что слабость до-революціонной Россіи заключалась въ двоевластіи на мѣстахъ (параллельная и часто встрѣчная работа земскаго и правительственнаго аппаратовъ), въ преступной и бездарной дѣятельности т. н. „общественности“ и въ итогѣ явствуетъ, что одинъ только административный аппаратъ, послѣдовательно проведенный повсюду, съ самого верху до самого низу, вылитый въ стройную и цѣльную систему, можетъ управлять такой громадной, рыхлой страной, какъ Россія.

Эта статья видимо относится къ указанной мною выше категоріи программъ — къ могущимъ быть осуществленными лишь по возстановленіи въ Россіи Монархіи — т. е. къ программамъ въ настоящее время еще преждевременнымъ и (многіе такъ скажутъ) — до нѣкоторой степени предрѣшающимъ внутреннюю политику будущаго Русскаго Императора.

Отмѣчу попутно, что по духу этой статьи мнѣ въ ней наше историческое Самодержавіе кажется замѣненнымъ какимъ-то западнымъ „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“ — не только чуждымъ русской почвѣ, но и физически не осуществимымъ: большинство русскихъ людей, служившихъ до революціи въ административномъ аппаратѣ, или погибло, или до послѣдней степени развращено, какъ службой у большевиковъ, такъ и атмосферой эмиграціи; достаточныхъ кадровъ для указанной въ статьѣ „Мы и Они“ схемы управленія сейчасъ среди насъ нѣтъ и не будетъ еще долгіе годы

Наконецъ авторъ упускаетъ изъ виду 1) что система государственнаго строительства сверху внизъ требуетъ наличія верха, т. е. возможно только при уже возведенномъ къ моменту начала строительства на Престоль Монархѣ; 2) что подобное положеніе можетъ быть создано только двумя путями: а) молніеносной интервенціей б) столь же молніеноснымъ добровольческимъ завоеваніемъ; возможность обоихъ этихъ путей нынѣ совершенно исключена.

Теперь нельзя уже думать, что придется начинать стройку зданія прямо съ крыши — надо начинать съ фун-

дамента; посему и Русскую Державу придется строить не сверху внизъ, а снизу вверхъ, базируясь для сего не на бюрократіи, а на главной массѣ русскаго народа — крестьянствѣ.

Итакъ, основная задача нашихъ монархическихъ организаций — выработать программу государственнаго строительства, долженствующую проводиться въ жизнь до момента возведенія на престолъ законнаго Царя; дальнѣйшее — дѣло Царя и тѣхъ, кому онъ захочетъ поручить это строительство; но выработавъ и проведя въ жизнь свою программу возстановленія Монархіи въ Россіи, мы до нѣкоторой степени сможемъ тѣмъ самымъ намѣтить пути, по коимъ она далѣе должна будетъ развиваться — вотъ, по моему мнѣнію, единственная форма предрѣшенія воли будущаго Императора, совмѣстимая съ монархическимъ образомъ мышленія.

Мнѣ хочется твердо и ясно установить, что, по моему мнѣнію, всю эту программу надо строить на основахъ совершенно чуждыхъ Россіи до-революціонной — не потому, чтобы эта до-революціонная Россія была плоха — а потому, что иначе, какъ на новыхъ основахъ, Россію возстановить физически невозможно, потому, что мы можемъ не признавать революцію, какъ закономѣрный актъ, скажу больше — не можемъ не признавать ее, какъ явленіе для нашей родины въ высокой степени пагубное, вызванное попустительствомъ однихъ и преступною работою другихъ — но не считаться съ ней, какъ съ имѣвшимъ мѣсто въ исторіи Россіи фактомъ, со всѣми вытекающими изъ сего послѣдствіями, — нельзя.

При выработкѣ программы дѣйствій намъ надо исходить изъ существующаго въ настоящій моментъ положенія, учесть, что ломка всякаго, даже плохого государственнаго аппарата — всегда болѣзненна, ибо съ его существованіемъ такъ или иначе уже связаны интересы широчайшихъ слоевъ кое-какъ примѣнившихся къ нему жителей данной страны.

Словомъ, надо выработать способъ использования совѣтскаго устройства Россіи въ смыслѣ примѣненія его къ потребностямъ монархическаго образа правленія.

Конечно, такое устройство будетъ носить переходный характеръ — но тѣмъ не менѣе, это будетъ моментъ неизмѣримо важный — именно въ началѣ строительства народъ, запуганный и никому больше не вѣрящий, будетъ особенно чутко присматриваться къ намъ, будетъ особенно строго экзаменовать степень искренности нашего желанія вывести его изъ того безнадежнаго тупика, куда его завели наша-же преступная слабость, еще болѣе преступная, самонадѣянная недалководность нашей интелли-

генции, злая воля іудо-масонства и его собственная легковѣрность . . .

Итакъ, не будемъ мечтать о томъ, какъ-бы мы хотѣли возстановить Россію, а попробуемъ предугадать, какими путями будетъ развиваться неизбежно назрѣвающій стихійный взрывъ народнаго недовольства комиссарскою властью, въ какія формы онъ вѣроятнѣе всего выльется, въ какое русло и какими мѣрами должны мы будемъ направить движеніе, чтобы оно привело нашу родину къ Монархіи, какъ единственному надъ-классовому образу правленія, тѣмъ самымъ обезпечивающему равное благоденствіе всѣмъ безъ различія классамъ населенія . . .

Постановка діагноза — какъ и что произойдетъ въ Россіи — вещь, разумѣется, крайне субъективная, но только изъ сопоставленія ряда субъективныхъ мнѣній можетъ родиться объективное — поэтому я и взялъ на себя починъ изложенія мнѣнія неизвѣстнаго мнѣ челоуѣка, несомнѣнно патриота и монархиста. Быть можетъ мой примѣръ толкнетъ и другихъ по тому-же пути, быть-можетъ мы внимательнѣе станемъ прислушиваться къ тому, что говорятъ недавно вырвавшіеся изъ Троцкаго рая, и скоро будемъ въ состояніи располагать достаточнымъ матеріаломъ, чтобы такъ или иначе разрѣшить поставленный вопросъ.

До тѣхъ-же поръ прихожу къ выводамъ:

1) Намъ надо выработать программу возсозданія Россіи изнутри, на принципѣ строительства снизу вверхъ.

2) Намъ надо изучить возможно подробнѣе положеніе въ Россіи, путемъ систематическаго опроса, по определенной школѣ, всѣхъ недавно оттуда выѣхавшихъ.

3) На основаніи полученныхъ и строго систематизированныхъ данныхъ, намѣтитъ наиболѣе вѣроятный путь уже назрѣвающего въ Россіи стихійнаго процесса.

4) Сообразно со всѣмъ предыдущимъ, выработать тактику монархическихъ организацій на періодъ времени, простирающійся до момента восшествія на Престоль законнаго Императора.

25 марта ст. ст. 1921.

Луکشяновъ.

Страницы ушедшаго.

II.

Пасха 1916 года. Я былъ въ отпуску и встрѣчалъ Свѣтлый праздникъ дома въ имѣнни. Къ заутрени я съ сестрой поѣхалъ въ село Б. въ пяти верстахъ отъ усадьбы. Старая каменная церковь полна молящимися. Крестьяне охотно разступились и пропустили насъ къ правому клиросу. Я оглядѣлся: хорошія русскія лица, много сѣдыхъ бородъ, круглыхъ бабьихъ лицъ, истовые кресты, поклоны въ землю,

запахъ смазныхъ сапогъ, романовскихъ полушубковъ и новыхъ къ празднику надѣтыхъ ситцевыхъ хрустящихъ яркихъ платковъ. Маленькая церковь ярко освѣщена; темныя иконы въ убогихъ окладахъ уставлены множествомъ тонкихъ свѣчей.

Священникъ служилъ просто, но благолѣпно. Пѣли, часто сбиваясь, пугаясь въ пѣснопѣньяхъ и теряясь. Учительница краснѣла и волновалась. Имъ помогала хриплый басъ дьякона и дребезжащій тенорокъ кашляющаго псаломщика, но это не портило общаго впечатлѣнiя — здѣсь были бы немѣстны и непонятны концертныя хоры Архангельскаго.

Когда крестный ходъ, пройдя среди могилъ, по рыхлому снѣгу и лужамъ, вернулся въ церковь и раздалось дѣтское, ликующее „Христосъ Воскресе“, я поздравилъ и поцѣловалъ сестру и пошелъ къ могилѣ отца, который похороненъ въ церковной оградѣ. Съ трудомъ отворивъ заваленную снѣгомъ калитку загородки, я подошелъ къ могилѣ. Было совершенно темно, особенно послѣ яркой церкви; влажныя тучи закрывали звѣзды. Еле нашелъ я какую то доску, бросилъ ее въ лужу около могилъ и опустился на нее помолиться. Положивъ руку на могилу, я съ удивленiемъ замѣтилъ среди кусковъ мокрой земли и обнажившихся изъ подъ оттаявшаго снѣга прошлогоднихъ цвѣтовъ, какiе-то твердые, круглыя постороннiе предметы. Я зажегъ спичку и увидалъ, что могила уставлена крашеными яйцами, куличами и пасками: Это крестьяне приходили христосоваться со своимъ умершимъ помѣщикомъ и оставили все это для того, чтобы нищiе, которыхъ много сходитса изъ окрестныхъ деревень въ церковь къ свѣтлой заутрени, разговѣлись бы во Имя Христово и помолились бы за упокой души усопшаго.

Умиленный и радостный ѣхалъ я домой и сестра рассказывала мнѣ, что она замѣчала, какъ крестьяне оставляютъ на ночь на окнахъ избъ подаванiе нищимъ, чтобы не видать ихъ благодарности и не искушаться — старый русскiй православный обычай:

„Твори милостыню втайнѣ; и Отецъ твой, видящiй тайное, воздастъ тебѣ явно“.

Небо разъяснилось, проглянули, всегда въ Св. ночь особенно яркiя, звѣзды. Лошади шли шагомъ, осторожно ступая среди блестящихъ отъ звѣздъ лужъ; сани, сильно встряхивали на рытвинахъ, полозья царапали по землѣ. Съ оттаивающихъ полей тянуло знакомымъ и роднымъ теплымъ запахомъ просыпающейся, набравшейся за зиму силъ земли. Я глубоко и хорошо думалъ о духовныхъ силахъ глубинъ народныхъ, о томъ, что у меня подъ командой двѣсти чело-вѣкъ этихъ крестьянъ, о которыхъ я обязанъ заботиться и водить, какъ уже водилъ, на великiй подвигъ борьбы за Вѣру, Царя и Родину; думалъ о томъ, что для этого надо хорошо понять и полюбить ихъ. И мнѣ казалось, что я понимаю и люблю ихъ.

Могъ ли я тогда думать, что черезъ годъ этотъ народъ будетъ оскорблять и убивать насъ, жечь усадьбы наши, выдастъ жидамъ беззащитнаго Царя и поглумится надъ самой Церковью Христовой? Что же произошло? Въ чемъ дѣло? Подмѣнили народъ или мы просто не за то его принимали? Или же онъ не одинъ виноватъ, а виновны и очень виновны и мы: господа и интеллигенты? — Виновны, конечно: вся революція сдѣлана интеллигентами и господами и Царя жидамъ отдали господа — вѣдь они, а не народъ окружали Его.

Пройдутъ года, сквозь развращенные слои народные пробьются ростки тѣхъ здоровыхъ силъ, которыя есть еще въ глубинахъ Земли Русской, не погибла еще вѣра въ народъ. А мы, господа и интеллигенты, сможемъ ли выправиться, мы, наполовину перебитые и вымершіе, разогнанные, озлобленные и все же еще не всѣ вернушіеся къ Богу, не сознавшіе въ изгнаніи свой грѣхъ передъ Нимъ и Помазанникомъ Его. Да поддержать насъ въ нашемъ тяжеломъ испытаніи Рука Божья, да поможетъ Онъ намъ очищенными вернуться на Родину, слиться съ прозрѣвающимъ народомъ нашимъ, покаянно склонить голову передъ грядущимъ Престоломъ и общими силами начать тяжелую и упорную работу заново по воссозданію разрушенной Земли Русской.

7-го Мая н.ст. 1921 г.

Берлинъ.

Булыгинъ.

Великая ложь нашего времени.

(окончаніе)

II.

Много зла надѣлали человѣчеству философы школы Ж. Ж. Руссо. Философія эта завладѣла умами, а между тѣмъ вся она построена на одномъ ложномъ представленіи о совершенствѣ человѣческой природы, и о полнѣйшей способности всѣхъ и cadaго уразумѣть и осуществить тѣ начала общественного устройства, которыя эта философія проповѣдывала.

На томъ же ложномъ основаніи стоитъ и господствующее нынѣ ученіе о совершенствахъ демократіи и демократическаго правленія. Эти совершенства предполагаютъ — совершенную способность массы уразумѣть тонкія черты политическаго ученія, явственно и раздѣльно присущія сознанію его проповѣдниковъ. Эта ясность сознанія доступна лишь немногимъ умамъ, составляющимъ аристократію интеллигенціи; а масса, какъ всегда и повсюду, состояла и состоитъ изъ толпы — „vulgus“, и ея представленія по необходимости будутъ „вульгарныя“.

Демократическая форма правления самая сложная и самая затруднительная изъ всѣхъ извѣстныхъ въ исторіи человечества. Вотъ причины — почему эта форма повсюду была проходящимъ явленіемъ и, за немногими исключениями нигдѣ не держалась долго, уступая мѣсто другимъ формамъ. И неудивительно. Государственная власть призвана дѣйствовать и распоряжаться; дѣйствія ея суть проявленія единой воли, — безъ этого немыслимо какое правительство. Но въ какомъ смыслѣ множество людей или собраніе народное можетъ проявлять единую волю?... Демократическая фразеологія не останавливается на рѣшеніи этого вопроса, отвѣчая на него извѣстными фразами и поговорками вродѣ такихъ, напримѣръ: „воля народная“, „общественное мнѣніе“, „верховное рѣшеніе націи“, „гласъ народа — гласъ Божій“ и т. п... Всѣ эти фразы, конечно, должны означать, что великое множество людей, по великому множеству вопросовъ, можетъ придти къ одинаковому заключенію и постановить сообразно съ нимъ одинаковое рѣшеніе. Пожалуй, это и бываетъ возможно, но лишь по самымъ простымъ вопросамъ. Но когда съ вопросомъ соединено хотя малѣйшее усложненіе, рѣшеніе его въ многочисленномъ собраніи возможно лишь при посредствѣ людей, способныхъ обсудить его во всей сложности, и затѣмъ убѣдить массу къ принятію рѣшенія. Къ числу самыхъ сложныхъ принадлежатъ, напримѣръ, политическіе вопросы, требующіе крайняго напряженія умственныхъ силъ у самыхъ способныхъ и опытныхъ мужей государственныхъ: въ такихъ вопросахъ, очевидно, нѣтъ ни малѣйшей возможности разсчитывать на объединеніе мысли и воли въ многолюдномъ народномъ собраніи: — рѣшенія массы въ такихъ вопросахъ могутъ быть только гибельныя для государства. Энтузіасты демократіи увѣряютъ себя, что народъ можетъ проявлять свою волю въ дѣлахъ государственныхъ: это пустая теорія, — на дѣлѣ же мы видимъ, что народное собраніе способно только принимать — по увлеченію — мнѣніе, выраженное однимъ человѣкомъ или нѣкоторымъ числомъ людей; напримѣръ, мнѣніе извѣстнаго предводителя партіи, извѣстнаго мѣстнаго дѣятеля, или организованной ассоціаціи, или, наконецъ, — безразличное мнѣніе того или другого вліятельнаго органа печати.

Такимъ образомъ, процедура рѣшенія превращается въ игру, совершающуюся на громадной аренѣ множества головъ и голосовъ; чѣмъ ихъ болѣе принимается въ счетъ, тѣмъ болѣе игра запутывается, тѣмъ болѣе зависитъ отъ случайныхъ и беспорядочныхъ побужденій.

Къ избѣжанію и обходу всѣхъ этихъ затрудненій изобрѣтено средство — править посредствомъ представительства — средство организованное прежде всего, и

оправдавшее себя успѣхомъ, въ Англіи. Отсюда, по установившейся модѣ, перешло оно и въ другія страны Европы, но привилось съ успѣхомъ, по прямому преданію и праву, лишь въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Однако и на родинѣ своей въ Англіи, представительныя учрежденія вступаютъ въ критическую эпоху своей исторіи. Самая сущность идеи этого представительства подверглась уже здѣсь измѣненію, извращающему первоначальное его значеніе: Дѣло въ томъ, что съ самаго начала собраніе избирателей, тѣсно-ограниченное, присылало отъ себя въ парламентъ извѣстное число лицъ, долженствовавшихъ представлять мнѣніе страны въ собраніи, но не связанныхъ никакою опредѣленною инструкціей отъ массы своихъ избирателей. Предполагалось, что избраны люди, разумѣющіе истинныя нужды страны своей и способные дать вѣрное направленіе государственной политикѣ. Задача разрѣшалась просто и ясно: требовалось уменьшить до возможнаго предѣла трудность народнаго правленія, ограничивъ малымъ числомъ способныхъ людей — собраніе, — призванное къ рѣшенію государственныхъ вопросовъ. Люди эти являлись въ качествѣ свободныхъ представителей народа, а не того или другого мнѣнія, той или другой партіи, не связанные никакою инструкціей. Но, съ теченіемъ времени, мало-по-малу эта система измѣнилась, подъ вліяніемъ того же рокового предразсудка о великомъ значаніи общественнаго мнѣнія, просвѣщаемаго, будто бы, періодическою печатью и дающаго массѣ народнои способности имѣть прямое участіе въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ. Понятіе о представительствѣ совершенно измѣнило свой видъ, превратившись въ понятіе о мандатѣ, или опредѣленномъ порученіи. Въ этомъ смыслѣ, каждый избранный въ той или другой мѣстности почитается уже представителемъ мнѣнія въ той мѣстности господствующаго, или партіи, подъ знаменемъ этого мнѣнія одержавшей побѣдѣ на выборахъ, — это уже не представитель отъ страны или народа, но делегатъ, связанный инструкціей отъ своей партіи. Это измѣненіе въ самомъ существѣ идеи представительства послужило началомъ язвы, разъѣдающей всю систему представительнаго правленія. Выборы съ раздробленіемъ партій, принявъ характеръ личной борьбы мѣстныхъ интересовъ и мнѣній, отрѣшенной отъ основной идеи о пользѣ государственной. При крайнемъ умноженіи числа членовъ собранія большинство ихъ, помимо интереса борьбы и партіи, заражается равнодушіемъ къ общественному дѣлу и теряетъ привычку присутствовать во всѣхъ засѣданіяхъ и участвовать непосредственно въ обсужденіи всѣхъ дѣлъ. Такимъ образомъ, дѣло законодательства и общаго направленія политики, самое нужное для государ-

ства, — превращается въ игру, состоящую изъ условныхъ формальностей, сдѣлокъ и функций. Система представительства сама себя оболживила на дѣлѣ.

Эти плачевные результаты всего явственнѣе обнаруживаются тамъ, гдѣ населеніе государственной территоріи не имѣетъ цѣльнаго состава, но заключаетъ въ себѣ разнородныя національности. Национализмъ въ наше время можно назвать пробнымъ камнемъ, на которомъ обнаруживается лживость и непрактичность парламентскаго правленія. Примѣчательно, что начало національности выступило впередъ и стало движущею и раздражающею силою въ ходѣ событій именно съ того времени, какъ пришло въ соприкосновеніе съ новѣйшими формами демократіи. Довольно трудно опредѣлить существо этой новой силы и тѣхъ цѣлей къ какимъ она стремится; но несомнѣнно, что въ ней — источникъ великой и сложной борьбы, которая предстоить, еще въ исторіи человѣчества, и невѣдомо къ какому приведетъ исходъ.

Мы видимъ теперь, что каждымъ отдѣльнымъ племенемъ, принадлежащимъ къ составу разноплеменнаго государства, овладѣваетъ страстное чувство нетерпимости къ государственному учрежденію, соединяющему его въ оиційстрой съ другими племенами, и желаніе имѣть свое самостоятельное управленіе, со своею, нерѣдко мнимою, культурой. И это происходитъ не съ тѣми только племенами, которыя имѣли свою исторію и, въ прошедшемъ своемъ, отдѣльную политическую жизнь и культуру, — но съ тѣми, которыя никогда не жили особою политическую жизнью. Монархія неограниченная успѣвала устранять или примирять всѣ подобныя требованія и порывы, — и не одною силою, но и уравненіемъ правъ и отношеній подъ одною властью. Но демократія не можетъ съ ними справиться, и инстинкты націонализма служатъ для нея развѣдающимъ элементомъ: каждое племя изъ своей мѣстности высылаетъ представителей — не государственной и народной идеи, но представителей племенныхъ инстинктовъ, племеннаго раздраженія, племенной ненависти — и къ господствующему племени, и къ другимъ племенамъ, и къ связующему всѣ части государства учрежденію. Какой нестройный видъ получаетъ въ подобномъ составѣ народное представительство и парламентское правленіе — очевиднымъ тому примѣромъ служатъ въ наши дни австрійскій парламентъ. Провидѣніе сохранило нашу Россію отъ подобнаго бѣдствія, при ея разноплеменномъ составѣ. Страшно и подумать, что возникло бы у насъ, когда бы судьба послала намъ роковой даръ — всероссійскаго парламента! Да не будетъ.

III.

Величайшее зло конституціоннаго порядка состоитъ въ образованіи министерства на парламентскихъ или партійныхъ

началахъ. Каждая политическая партія одержима стремленіемъ захватить въ свои руки правительственную власть и къ ней пробирается. Глава государства уступаетъ политической партіи, составляющей большинство въ парламентъ; въ такомъ случаѣ министерство образуется изъ членовъ этой партіи и, ради удержанія власти, начинается борьбу съ оппозиціей, которая усиливается низвергнуть его и вступить на его мѣсто. Но если глава государства склоняется не къ большинству, а къ меньшинству, и изъ него выбираетъ свое министерство, въ такомъ случаѣ новое правительство распускаетъ парламентъ и употребляетъ всѣ усилія къ тому, чтобы составить себѣ большинство при новыхъ выборахъ и съ помощью его вести борьбу съ оппозиціей. Сторонники министерской партіи подаютъ голосъ всегда за правительство; имъ приходится во всякомъ случаѣ стоять за него — не ради поддержанія власти, не изъ-за внутренняго согласія въ мнѣніяхъ, но потому, что это правительство само держитъ членовъ своей партіи во власти и во всѣхъ сопряженныхъ со властью преимуществахъ, выгодахъ и привилегіяхъ. Вообще — существенный мотивъ каждой партіи — стоять за своихъ во чтобы то ни стало, или изъ-за взаимнаго интереса, или просто въ силу того стаднаго инстинкта, который побуждаетъ людей раздѣляться на дружины и вѣсть въ бой стѣна на стѣну. Очевидно, что согласіе въ мнѣніяхъ имѣетъ въ этомъ случаѣ очень слабое значеніе, а забота объ общественномъ благѣ служитъ прикрытіемъ ловсе чуждыхъ ему побужденій и инстинктовъ. И это называется идеаломъ парламентскаго правленія. Люди обманываютъ себя, думая, что оно служитъ обезпеченіемъ свободы. вмѣсто неограниченной власти Монарха мы получаемъ неограниченную власть парламента, съ тою разницей, что въ лицѣ Монарха можно представить себѣ единство разумной воли; а въ парламентѣ нѣтъ его, ибо здѣсь все зависитъ отъ случайности, т. е. воля парламента опредѣляется большинствомъ; но какъ скоро при большинствѣ составляемомъ подъ вліяніемъ игры въ партію, есть меньшинство, воля большинства не есть уже воля цѣлаго парламента: тѣмъ еще менѣ можно признать ее волею народа, здоровая масса коего не принимаетъ никакого участія въ игрѣ партій и даже уклоняется отъ нея. Напротивъ того, именно нездоровая часть населенія мало-по-малу вводится въ эту игру и ею развращается; ибо главный мотивъ этой игры есть стремленіе къ власти и къ наживѣ. Политическая свобода становится фикціей, поддерживаемою на бумагѣ, параграфами и фразами конституціи; начало монархической власти со-всѣмъ пропадаетъ; торжествуетъ либеральная демократія, водворяя безпорядокъ и насиліе въ обществѣ, вмѣстѣ съ началами безвѣрія и матеріализма, провозглашая свободу, равенство и братство — тамъ, гдѣ нѣтъ уже мѣста ни свободѣ, ни равенству. Такое состояніе ведетъ неотразимо къ

анархіи, отъ которой общество спасается одною лишь диктатурой, т. е. возстановленіемъ единой воли и единой власти въ правленіи.

Первый образецъ народнаго, представительнаго правленія, явила новѣйшей Европѣ Англія. Съ половины прошлаго столѣтія французскіе философы стали прославлять англійскія учрежденія и выставлять ихъ примѣромъ для всеобщаго подражанія. Но въ ту пору не столько политическая свобода привлекала французскіе умы, сколько привлекали начала религіозной терпимости, или лучше сказать начала безвѣрія, бывшія тогда въ модѣ въ Англіи и пущенныя въ обращеніе англійскими философами того времени. Вслѣдъ за Франціей, которая давала тонъ и нравамъ и литературѣ во всей Западной интеллигенціи, мода на англійскія учрежденія распространилась по всему европейскому матеріку. Между тѣмъ произошли два великія событія, изъ коихъ одно утверждало эту вѣру, а другое, — чуть было совсѣмъ не поколебало ее.

Возникла республика Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, и ея учрежденія, скопированныя съ англійскихъ (кромѣ королевской власти и аристократіи), принялись на новой почвѣ прочно и плодотворно. Это произвело восторгъ въ умахъ, и прежде всего во Франціи. Съ другой стороны — явилась французская республика, и скоро явила міру всѣ гнусности, безпорядки и насилія революціоннаго правительства. Повсюду произошелъ взрывъ негодованія и отвращенія противъ французскихъ, стало быть, вообще противъ демократическихъ учреждений. Ненависть къ революціи отразилась даже на внутренней политикѣ самого британскаго правительства. Чувство это начало ослабѣвать къ 1815 году, подъ вліяніемъ политическихъ событій того времени — въ умахъ проснулось желаніе, съ свѣжею надеждою, соединить политическую свободу съ гражданскимъ порядкомъ въ формахъ, подходящихъ къ англійской конституціи: вошла въ моду опять политическая англоманія. Затѣмъ послѣдовалъ рядъ попытокъ осуществить британскій идеалъ, сначала во Франціи, потомъ въ Испаніи и Португаліи, потомъ въ Голландіи и Бельгіи, наконецъ, въ послѣднее время, въ Германіи, въ Италіи, и въ Австріи. Слабый отголосокъ этого движенія отразился и у насъ въ 1825 году, въ безумной попыткѣ аристократовъ мечтателей, не знавшихъ, ни своего народа, ни своей исторіи.

Любопытно прослѣдить исторію новыхъ демократическихъ учреждений: долговѣчны-ли оказались они, каждое на своей почвѣ, въ сравненіи съ монархическими учрежденіями, коихъ продолженіе исторія считаетъ рядомъ столѣтій.

Во Франціи, со времени введенія политической свободы, правительство, во всей силѣ государственной своей власти, было три раза ниспровергнуто парижскою уличною толлою: въ 1792 г., въ 1830 и въ 1848 году. Три раза было

ниспровергнуто арміей, или военной силой: въ 1797 году 4 сентября (18 Фруктидора), когда большинствомъ членовъ директоріи, при содѣйствіи военной силы, были уничтожены выборы, состоявшіеся въ 48 департаментахъ, и отправлены въ ссылку 56 членовъ законодательныхъ собраній. Въ другой разъ, въ 1797 году 9 ноября (18 Брюмера) правительство ниспровергнуто Бонапартомъ, и наконецъ въ 1851 г., 2 декабря, другимъ Бонапартомъ, младшимъ. Три раза правительство было ниспровергнуто внѣшнимъ нашествіемъ непріятели: въ 1814, въ 1815 и въ 1870. Въ общемъ счетѣ, съ начала своихъ политическихъ экспериментовъ по 1870 годъ Франція имѣла 4½ года свободы и 37 годовъ суроваго диктаторства. При томъ еще стоитъ примѣтить странное явленіе: монархи старшей Бурбонской линіи, оставляя много мѣста дѣйствию политической свободы, никогда не опирались на чистомъ началѣ новѣшей демократіи; напротивъ того, оба Наполеона, провозгласивъ безусловно эти начала, управляли Франціей деспотически.

Въ Испаніи народное правленіе провозглашено было въ эпоху окончательнаго паденія Наполеона. Чрезвычайное собраніе кортесовъ утвердило въ Кадиксѣ конституцію, провозгласивъ въ первой статьѣ оной, что верховенство власти принадлежитъ націи. Фердинандъ VII, вступивъ въ Испанію черезъ Францію, отмѣнилъ эту конституцію и сталъ править самовластно. Черезъ 6 лѣтъ генералъ Ріего, во главѣ военнаго возстанія, принудилъ короля возстановить конституцію. Въ 1823 году французская армія, подъ внушеніемъ Священнаго союза, вступила въ Испанію и возстановила Фердинанда въ самовластіи. Вдова его, въ качествѣ регентши, для охраненія правъ дочери своей Изабеллы противъ Донъ Карлоса, вновь приняла конституцію. Затѣмъ начинается для Испаніи послѣдовательный рядъ мятежей и возстаній, изрѣдка прерываемыхъ краткими промежутками относительнаго спокойствія. Достаточно указать, что съ 1816 года до вступленія на престолъ Альфонса было въ Испаніи до 40 серьезныхъ возстаній, съ участіемъ народной толпы. Говоря объ Испаніи, нельзя не упомянуть о томъ чудовищномъ и поучительномъ зрѣлищѣ, которое представляютъ многочисленныя республики Южной Америки, республики испанскаго происхожденія и испанскихъ нравовъ. Вся ихъ исторія представляетъ непрестанную смѣну ожесточенной рѣзни между народною толпою и войсками, — прерываемую правленіемъ деспотовъ, напоминающихъ Коммода или Калигулу. Довольно привести въ примѣръ хотя Боливію, гдѣ изъ числа 14 президентовъ республики, тринадцать кончили свое правленіе насильственною смертью или ссылкой.

Начало народнаго или представительнаго правленія въ Германіи и въ Австріи не ранѣе 1848 года, Правда, начиная съ 1815 года, поднимается глухой ропотъ молодой интеллигенціи на германскихъ владѣтельныхъ князей за неисполненіе

обѣщаній, данныхъ народу въ эпоху великой войны за освобожденіе. За немногими, мелкими исключеніями, въ Германіи не было представительныхъ учрежденій до 1847 года, когда Прусскій король учредилъ у себя особенную форму конституціоннаго правленія; однако оно не простояло и одного года. Но стоило только напору парижской уличной толпы сломить французскую партію и низложить конституціоннаго короля, какъ поднялось и въ Германіи уличное движеніе съ участіемъ войскъ. Въ Берлинѣ, въ Бѣнѣ, во Франкфуртѣ устроились національныя собранія по французскому шаблону. Едва прошелъ годъ, какъ правительство разогнало ихъ военною силою. Новѣйшія германскія и австрійскія конституція всѣ исходятъ отъ монархической власти и еще ждутъ суда своего отъ исторіи.

К. Побѣдоносцевъ.

Памяти братьевъ.

Весна придетъ, проснется вновь
Среди враждующихъ любовь
И ангелъ мира и прощенья
Дастъ намъ покой. Но нѣтъ забвенья
Для тяжкихъ думъ и горькихъ слезъ!
Кровавый вихрь отъ насъ унесъ
Такъ много дорогихъ людей
И не отбросить намъ цѣпей,
Жестокихъ мукъ воспоминаній,
Всю боль, весь гнетъ переживаній!
О! Гдѣ найти намъ силу жить?
Какъ научиться намъ любить
Тѣхъ, кто Россію залилъ кровью?
О! Какъ вернуться къ нимъ съ любовью?

С. Б.

Берлинъ. Апрѣль 1921.

Письмо коммуниста.

Печатаемое ниже письмо любопытно во многих отношениях. Оставаясь довольно туманным в некоторых своих частях, письмо это в то же время чрезвычайно ярко передает впечатлительный образ бывшего в германском плену солдата при возвращении его на родину. Мы не рѣшаемся дѣлать какія бы то ни было поправки даже в правописаніи, опасаясь нарушить тѣмъ первобытный видъ новаго Мануйловскаго безграмотства. Имена и прозвища перемѣнены.

„Письмо в Германію Товарищу Михееву от товарища Акима Роева“.

Первым долгом моего письма шлю сердечный привет дорогому товарищу (идет перечисленіе 7 лицъ) и всем моим товар. знакомым, нахожусь жив здоров чего и вам желаю сейчас очень колоссальная жизнь въ россіи именно все разрушено но надеемся поднять как поступим на мирное положеніе желаю вам вернуться в благополучіи не страшитесь ни чего скорей поднимем порядок, здес наша организованность очень тоже крепка кем мы состояли в плену хотя и не пишу а сами поймете кем мы состояли в лагерях хотя хлеба получаем порцію 1 фунт на день кто служит, климат очень холодный внашемъ краю но придется привыкать. Острая нужда в обуви в билье кто исплену поедет на родину визи больше. Еще острая нужда в технических работниках во всех Губерніях в уездах волостях и в деревнях. Когда я по прибытію исплена в Россію в ступил то мне показалос дотого дико дотого скучно так страшно что вся Россія измученная истерзанная разоренная с этой несчастной войной Я думаю что инам всем так показалось кто прибыл исплену шести летняго. Меня и тепер ругают старики в деревни селах итак прочих местах что я политику виду против импералистов. Они глупы — все со своим николаем II. Может что неясно понимайте сами, писал в учрежденіе по земельному дѣлу пишите ответ. Сприветом квам Аким Роев.

Писал уже вечером как все разошлись служащие кирасину мало бумаги тоже извините что плохо“.

Вотъ вѣдь по словамъ писавшаго все плохо, но надо перейти на „мирное положеніе“ тогда „поднимемъ порядокъ“ Лозунги все тѣ-же: 1) хлѣбъ, 2) долой войну. Сможетъ ли однако совдепская власть удовлетворить эти желанія, пожелаетъ ли перевести „на мирное положеніе“, не опасаясь своей гибели, не набѣгаетъ ли уже на нее волна новой „организванности“? Можемъ повторитъ обращаясь къ нашимъ читателямъ, слова уже приведенныя въ письмѣ „понимайте сами“.

А. Старчевскій.

Къ познанію „Совѣтской“ Россіи.

I.

Вспоминается гениальный по своей сжатости и богатству содержания труд покойнаго Д. И. Менделѣева „Къ познанію Россіи“. Той великой Россіи, которую описывалъ Менделѣевъ, нѣтъ, а современная намъ совѣтская Россія, окутанная кошмарнымъ туманомъ террора, крови и разрушенія, не поддается нашему познанію: мы узнаемъ о ней только то, что тенденціозно публикуется на столбцахъ совѣтской прессы и что отрывочно, какъ глухіе стоны изъ нашей несчастной Родины доходитъ до насъ въ сообщеніяхъ отдѣльныхъ лицъ. И надо отмѣтить, что то, что происходило и происходитъ въ Россіи такъ небывало своеобразно и такъ непохоже на культурныя условія европейской жизни, что приходящіе изъ Россіи, отрывочные рассказы о русскихъ современныхъ переживаніяхъ широкою публикою встрѣчаются съ недоумѣніемъ: описываемые ужасы представляются имъ тенденціознымъ преувеличеніемъ или даже вымысломъ, — а тѣ кто знакомы съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи, но которые заинтересованы въ томъ, чтобы скрывать и замалчивать ужасную дѣйствительность, поддерживаютъ въ заграничной читающей публикѣ этотъ благодушный скептицизмъ, доводя его до полнаго ослѣпленія: „не такъ молъ, страшень чортъ, какъ его малюють;“ конечно отдѣльные, неизбѣжные при всякихъ политическихъ переворотахъ случаи эксцессовъ были, но теперь это миновало, жизнь возсоздается на новыхъ началахъ, большевики-коммунисты вовсе не тѣ палачи и разбойники, какими ихъ рисуютъ. Это оригинальные идеалисты и передовые работники человѣчества. . . Такъ очковая змѣя усыпляетъ свою жертву, прежде чѣмъ на нее броситься и сдavitъ ее своими кольцами.

Поэтому заслуживаютъ особаго вниманія тѣ, къ сожалѣнію, недостаточное часто раздающіеся въ заграничной печати голоса, которые рисуютъ русскую дѣйствительность какъ она есть, во всемъ ея безнадежномъ ужасѣ и предостерегаютъ своихъ соотечественниковъ отъ благодѣяній, которыя социаль-демократія и коммунизмъ несутъ человѣчеству.

Передъ нами одинъ изъ номеровъ періодическаго изданія выходящаго въ Данцигѣ и проникнутаго національнымъ патріотическимъ духомъ. Мы считаемъ полезнымъ познакомить нашихъ читателей съ помѣщенной въ этомъ номерѣ статьей Доктора Іенни озаглавленной имъ „угроза нѣмецко-большевистскаго договора“. Авторъ пишетъ:

Въ началѣ мая 1921 года.

Несмотря на многія предупрежденія — такъ гласитъ перепечатанное нашими ежедневными газетами полуофициозное сообщеніе — нѣмецко-русскій договоръ на дняхъ будетъ подписанъ. Для всѣхъ тѣхъ кто дѣйствительно знаетъ Россію и

ощениваетъ ее положеніе открытыми глазами, неослѣпленными официальнымъ оптимизмомъ, такой договоръ представляется самымъ неудачнымъ и опаснымъ для всѣхъ соглашеній, какія только можно было бы заключить. Основанія къ такому взгляду ясны сами собою: тѣ блага какія этотъ договоръ, будто бы призванъ дать Германіи, уже помимо него даны ей силою обстоятельствъ, а именно установленіе товарообмѣна, который уже и теперь осуществляется въ значительныхъ размѣрахъ. Это совершается безъ всякаго предварительнаго договора. Ощущаемая въ Россіи, и доходящая до степени голода, нужда въ привозныхъ мануфактурныхъ товарахъ такъ сильна, что сама по себѣ является достаточнымъ ручательствомъ неизмѣнности наладившагося товарообмѣна. Но за то выговоренные этою цѣною широковѣщательные посулы, повидимому останутся не болѣе какъ звонкими пустыми словами. Говоря это, мы имѣемъ въ виду даваемая договоромъ обѣщанія правовой защиты личности и имущества на территории Московіи, ибо такія понятія стоятъ въ непримиримомъ противорѣчьи съ основными положеніями всего строя совѣтской Россіи. Опытъ всѣхъ бывшихъ поселъ сношеній съ нашими совѣтскими соудьями не вызываютъ довѣрія къ подобнымъ обѣщаніемъ. А такъ какъ наряду съ этимъ съ нѣмецкой стороны очевидна готовность точнаго исполненія принятыхъ на себя обязательствъ, то заключаемый договоръ повлечетъ за собой для Германіи неминуемое и глубокое ослабленіе ея положенія. Такимъ образомъ сущность этого необыкновеннаго договора будетъ заключаться въ томъ, что не давая нѣмцамъ никакой новой выгоды и никакихъ гарантій, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ свяжетъ Германію тяжкими обстоятельствами. Кромѣ того этотъ договоръ грозитъ въ будущемъ еще однимъ весьма невыгоднымъ для Германіи послѣдствіемъ: мы имѣемъ въ виду ту непримиримую ненависть, которую онъ долженъ вызвать по отношенію къ нѣмцамъ со стороны всѣхъ меньшинствскихъ партій и классовъ въ Россіи.

Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе дальновидными оказались французы, отклоняющіе всякія договорныя соглашенія съ вѣроломною Московскою кликою и не позволяющіе даже вступать на французскую почву подъ какими бы то ни было личинами представителямъ этой власти, съ которою, по общечеловѣческому понятіямъ никакія соглашенія недопустимы.

Между тѣмъ среди нѣмецкой публики усиленно стараются расположить общественное мнѣніе въ пользу этого договора. Между прочимъ въ упомянутомъ выше официальномъ сообщеніи высказано, что для нѣмецкихъ предпринимателей, которые были вынуждены покинуть Россію, теперь открывается возможность, подъ „надежною защитою договора“ предпринимать поѣздки въ Россію для заключенія лично на мѣстахъ новыхъ хозяйственныхъ соглашеній.

Невольно хочется сказать — какъ много словъ и какъ много иллюзій. Уже тысячи разъ было испытано, насколько общаемая правовая защита представляется надежною. Всѣ оставшіеся въ совѣтской Россіи нѣмцы были до сихъ поръ обречены одинаковой печальной участи — служить заложниками, подлежащими всевозможнымъ притѣсненіямъ и предначинанными исключительно для обезпеченія неприкосновенности арестованныхъ въ Германіи русскихъ агитаторовъ. Такъ было поступлено въ дѣлѣ Радека и его товарищей и въ послѣднее время подъ угрозою смерти нѣмецкихъ заложниковъ были вынуждены къ позорному распоряженію объ освобожденіи извѣстнаго убійцы Фрисланда Рейтеръ, изблеченнаго въ безчисленныхъ злодѣяніяхъ надъ нѣмецкими колонистами въ Россіи. Столь же мало хорошаго сулитъ общаемая возможность завязки на мѣстахъ дѣловыхъ сношеній. Это тоже пустыя слова, которыя при томъ звучатъ, какъ злая насмѣшка, если сопоставить ихъ съ одновременно объявленнымъ распоряженіемъ большевиковъ, обязывающимъ всѣхъ иностранцевъ къ принудительнымъ работамъ за исключеніемъ только консульскихъ чиновниковъ. Неправда ли какая благоприятная обстановка для завязки дѣловыхъ сношеній? Послѣднія невозможны еще просто и потому, что въ Россіи не осталось никого, съ кѣмъ такія сношенія могли бы быть завязаны.

Вѣдь общеизвѣстно, что вся иностранная торговля взята въ веденіе государства и что совершеніе торговыхъ дѣлъ предоставлено исключительно совѣтскимъ учрежденіямъ; а для этого совершенно достаточно обращаться въ иностранныя совѣтскія агентуры, не вступая на потрясенную терроризмомъ почву Россіи, которая уже безслѣдно поглотила столько тысячъ людей. Промышленныя предприятия, которыя могли бы интересовать ихъ прежнихъ владѣльцевъ давно „націонализированы“ т. е. разорены и разграблены и полагаемъ, что даже для любителей живописныхъ развалинъ старыхъ рыцарскихъ замковъ на Рейнѣ едва ли будетъ приятно посѣтить въ Россіи развалины своихъ нѣкогда цвѣтушихъ, а нынѣ до тла разоренныхъ владѣній.

Въ каждой строкѣ договора сквозитъ наивность, доходящая до смѣшного. Такъ въ заключительныхъ словахъ встрѣчается утѣшительное утвержденіе, что договоромъ не установлено никакого отказа нѣмецкихъ владѣльцевъ отъ ихъ собственности находящейся въ Россіи. Казалось бы, что въ договорѣ слѣдовало установить обратное: такъ какъ совѣтскіе правители ограбили въ Россіи нѣмецкихъ собственниковъ, то въ цѣляхъ приданія договору, хоть тѣни какой либо дѣйствительной цѣнности, не представлялось ли бы соотвѣтственнымъ обязать этихъ правителей отказаться отъ награбленнаго ими имущества въ пользу его законныхъ владѣльцевъ, а вмѣсто того въ договорѣ какъ нѣкое приобрѣтеніе выставляется то, что до гола обобранные и ограб-

Поистинѣ своеобразно отражаются событія въ головахъ тѣхъ, кто считаютъ себя призванными быть защитниками нѣмецкихъ гражданъ: въ ихъ мозгахъ какъ въ волшебномъ зеркалѣ пляшутъ каррикатуры правовыхъ понятій и законнаго порядка.

II.

Только что вышедшая въ Берлинѣ изъ печати, въ безупречномъ нѣмецкомъ переводѣ, книга Максима Хрюмова, озаглавленная „пляска смерти“ представляетъ живой интересъ современности и правдиваго пересказа несомнѣнно лично пережитыхъ авторомъ тяжелыхъ страданій. Авторъ никого не обличаетъ, ничего не стрѣмится доказывать, но даетъ въ беллетристической формѣ въ полѣ своего наблюденія, живое изображение ужаснаго состоянія Россіи. Завязка самая простая: три молодыхъ человѣка, выбитые изъ колеи и разоренные революціей, встрѣчаются въ рядахъ красной арміи, гдѣ они искали возможности просуществовать. Ихъ сбближаетъ общая нужда и горе и страстное желаніе избавиться отъ большевистскаго засилія и они составляютъ союзъ, чтобы во что бы то ни стало бѣжать изъ предѣловъ Россіи. Послѣ неимовѣрныхъ лишеній, страданій и опасностей, которыя не разъ ставятъ ихъ на край смерти, побѣгъ удастся и читатель можетъ облегченно вздохнуть, когда поѣздъ мчитъ спасенныхъ бѣглецовъ изъ Ковны въ Германію. Развратная, пьяная, преступная жизнь въ красной арміи встаетъ передъ читателемъ въ рядѣ схваченныхъ съ натуры картинъ. Описание „вшиваго“ воинскаго поѣзда и состава и внѣшняго вида революціоннаго эскадрона (стр. 15 — 17), дядя Ваня — типъ самозваннаго офицера большевистской формации (стр. 23 — 27), недѣля бѣдности (стр. 30), подвиги „чрезвычайки“ (стр. 70 — 80), продовольственная реквизиція въ деревнѣ (стр. 102 — 105), Батка Махно (стр. 106 — 126), пьяный разгулъ и убійство въ казармѣ (стр. 150), ограбленіе поѣзда красноармейцами (ч. II ст. 15, 16) — все это какъ какая то удушливая уголовная хроника, хватается за сердце и безъ разсужденій чувствуется, что такъ жить нельзя, что это не люди, а звѣри, что это не жизнь, а каторга. Такъ чувствуетъ и авторъ, который въ послѣднихъ строкахъ предисловія къ русскому изданію говоритъ читателямъ: „не смотрите на мой разскаъ какъ на литературно-историческій трудъ, но какъ на мою искупительную исповѣдь и облегчающій вопль измученной души“. Приступивъ къ печатанію своей книги на нѣмецкомъ языкѣ, авторъ въ предисловіи къ нѣмецкому изданію говоритъ, что цѣль такого изданія ознакомить широкіе круги нѣмецкой публики съ истиннымъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Желаемъ автору возможно полнаго достиженія его цѣли и чтобы эту искреннюю книжку прочли и тѣ нѣмецкіе оптимисты, о которыхъ говоритъ д-ръ Іенни и которые мечтаютъ о возможности мирныхъ соглашеній и торговыхъ договоровъ

III.

Для полноты отраженія современной русской жизни недостаетъ въ этихъ очеркахъ свѣдѣній о положеніи церкви и судьбахъ Православнаго духовенства; а между тѣмъ страданія и гибель представителей духовенства составляютъ уже и теперь ужасающій мартирологъ, обнимающій собою тысячи священнослужителей изъ городского, сельскаго и монашествующаго духовенства, возглавляемаго цѣлымъ сонмомъ епископовъ и въ числѣ послѣднихъ приснопамятнаго Владиміра Митрополита Кіевского, разстрѣленнаго въ полѣ за стѣнами Кіево-Печерской Лавры, и Архіепископа Воронежскаго Тихона, 75 лѣтнаго старца, повѣшеннаго въ царскихъ вратахъ Каѳедрального Собора.

Приводимъ свѣдѣнія касающіяся одной только пермской епархіи.

Какъ иллюстрація звѣрствъ большевистской власти по отношенію къ православному духовенству приводимъ статью, помѣщенную въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ отъ 3 мая 1919 г. подъ заглавіемъ: „Пермскіе мученики“. Ужасомъ вѣетъ отъ сообщеній „Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ о томъ, что пережила Пермская Епархія за время большевистскаго террора. Самое пылкое воображеніе не въ силахъ представить до какихъ безумныхъ звѣрствъ и утонченныхъ пытокъ доходилъ здѣсь большевистскій геній. Лучшихъ изъ пастырей, наиболѣе популярныхъ и любимыхъ народомъ, — однихъ разстрѣливали, другихъ живыми закапывали въ землю, съ третьихъ сдирали кожу, предварительно надрубая руки, четвертыхъ топили въ рѣкахъ, примораживали ко льду. Не казненныхъ и не утопленныхъ пастырей морили голодомъ, лишая продовольственнаго пайка, изнуряли непосильными работами, многихъ недѣлями и даже мѣсяцами томили по тюрьмамъ. Все было дозволено, все пущено въ ходъ, лишь бы довести духовенство до самыхъ тяжелыхъ и невыносимыхъ страданій.

„Но все это, — говоритъ епархіальный органъ, — ничто въ сравненіи съ тѣми муками, которыя приходилось испытывать пастырямъ и всѣмъ вѣрующимъ при яростныхъ порывахъ загрязнить, осквернить и потопить въ водоворотѣ крови и слезъ все самое святое и безцѣнное для христіанина. Захватываются духовноучебныя заведенія, при чемъ зданіе духовной семинаріи превращается въ инквизиторскій казематъ со всевозможными орудіями пытокъ, при чемъ въ храмѣ при Епархіальномъ училищѣ устраивается красноармейскій театръ и вертепъ красноармейскаго разврата. Разгромляются и захватываются монастыри, запрещаются крестные ходы, а въ нѣкоторыхъ приходяхъ даже колокольный звонъ. Въ однихъ мѣстахъ пастырей обязываютъ подпистой не совершать крещеній, браковъ и отпѣваній безъ разрѣшенія „исполкомовъ“; въ другихъ безъ того же разрѣшенія имъ воспрещается и вообще совершеніе какихъ-

либо требъ. Времена Деоклетіана и Деція блѣдѣютъ въ сравненіи съ тѣмъ временемъ, которое пришлось переживать нашей церкви въ 1918 г.“

Какъ тяжело приходилось пермской церкви, показываетъ мартовскій списокъ жертвъ большевистскаго гоненія, опубликованный Епархіальнымъ управленіемъ.

Въ списокѣ этомъ значатся: архіепископъ Андроникъ, — схваченъ былъ въ ночь на 4 іюня 1918 года и, по имѣющимся въ распоряженіи прокурорскаго надзора даннымъ, закопанъ въ землю живымъ. Епископъ Феофаній, Викарій Соликамскій въ ночь на 11 декабря 1918 года послѣ изтязанія и многократнаго погруженія въ воду утопленъ въ рѣкѣ Камѣ. Протоіереи; Іоаннъ, Алексѣй Сабуровъ, Николай Яхонтовъ, Александръ Искляевъ, Александръ Преображенскій, Михаилъ Киселевъ, Николай Конюховъ, Алексѣй Будринъ, Алексѣй Стамбиковъ и Николай Бѣльтюковъ — одни изъ перечисленныхъ пастырей разстрѣляны, другіе — заморожены, третьи — зарублены.

Той же лютой смерти, послѣ предварительныхъ жестокихъ пытокъ и издѣвательствъ, преданы: священники — Константинъ Шерокинскій, Григорій Гаряевъ, Владимиръ Бѣлозеровъ, Павелъ Соколовъ, Александръ Калашниковъ, Евграфъ Плотневъ, Левъ Ершовъ, Александръ Савеловъ, Петръ Вяткинъ, Іоаннъ Бояртинъ, Игнатій Якимовъ, Александръ Посохинъ, Алексѣй Наумовъ, Семенъ Конюховъ, Василій Камакинъ, Антоній Поповъ, Константинъ Югановъ, Ананій Аристовъ, Александръ Малиновскій, Михаилъ Накаряковъ, Николай Оняновъ, Александръ Махетовъ, Петръ Кузнецовъ, Валентинъ Бѣловъ, Александръ Островъ, Николай Рождественскій, Іоаннъ Швецовъ, Федоръ Антипинъ, Николай Маціевскій, Владимиръ Алексѣевъ, Веніаминъ Луканинъ, Викторъ Никифоровъ, Сергѣй Колчинъ, Николай Орловъ, Михаилъ Денисовъ, Сергѣй Лавровъ, Павелъ Анишкинъ, Іаковъ Шестаковъ, Петръ Рѣшетниковъ, Константинъ Тарасовъ, діаконъ: Василій Кашинъ, разстрѣлянъ съ десятью прихожанами своей церкви 4-го декабря 1918 года, Василій Воскресенскій, Алексѣй Ипатовъ, Григорій Смирновъ и Аркадій Рѣшетниковъ; псаломщики; Василій Пѣтуховъ замученъ на окопныхъ работахъ въ іюнь 1918 года, Афанасій Жулановъ, Анатолій Поповъ и Александръ Зуевъ, разстрѣляны на тѣхъ же работахъ. Кромѣ названныхъ лицъ въ списокѣ этомъ значатся также убитыми члены Священнаго Собора, посланные въ гор. Пермь для разслѣдованія дѣла объ убійствѣ архіепископа Андроника: Василій — архіепископъ Черниговскій — разстрѣлянъ и изрубленъ шашками, Матѣей — архимандритъ, ректоръ Пермской Духовной Семинаріи, и Звѣревъ Алексѣй Даниловичъ — крестьянинъ Московской губ., миссіонеръ, подвергшійся той же участи. Всѣ эти три члена Священнаго Собора мученически скончали жизнь свою при отъѣздѣ изъ г. Перми по желѣзной дорогѣ за мостомъ

черезъ рѣку Каму 14 авг. 1918 г. Но съ особенной злобой пермскіе большевики относились къ монашествующему духовенству и монахамъ. По рассказамъ пермяковъ не было, кажется, тѣхъ издѣвательствъ и пытокъ, которымъ не подвергались бы монашествующіе, попавъ въ большевистскіе застѣнки или въ руки „рабоче-крестьянскихъ комиссаровъ“. Правдивость этихъ кошмарныхъ рассказовъ отчасти подтверждается и опубликованнымъ пермской епархіальной властью спискомъ погибшихъ монаховъ, — почти послѣ каждаго имени стоитъ помѣтка: „исколотъ штыками и затѣмъ разстрѣлянъ“, „утопленъ послѣ долгихъ мученій“, „замученъ“ и т. п. Нѣкоторые изъ монаховъ убиты за отказъ сражаться въ армии красныхъ противъ сибирскихъ войскъ.

Имена этихъ мучениковъ: архимандритъ Варлаамъ, іеромонахи — Вячеславъ, Сергій, Іосифъ; Іоаннъ; іеродіаконъ — Виссаріонъ, Михѣй, Евфимій; монахи — Гермогенъ, Аркадій, Евфимій, Маркель, Варнава, Сергій, Исаакій, Іоаннъ, Іосифъ; черноризцы — Дмитрій, Савва, Павелъ; послушники — Іаковъ; другой Іаковъ, Петръ, Александръ, Феодоръ, другой Петръ, Сергій, Алексѣй, Василій, Іоаннъ, Григорій, другой Василій, Пантелеймонъ и Семень.

Нѣтъ сомнѣнія, что синодикъ мучениковъ не исчерпывается приведенными именами. Пермское Епархіальное Управление только что возобновило свою дѣятельность и не всѣ еще донесенія съ мѣстъ изъ „Свободной Пермской Земли“ поступили, не говоря уже о томъ, что часть Пермской епархіи находится и по сіе время во власти большевиковъ.

А вотъ что пишетъ профессоръ Е. П. Ивановъ въ Новониколаевской „Русской Рѣчи“ отъ 20 мая 1919 года въ своей статьѣ „Блудница Вавилонская“, въ которой онъ сгруппировалъ разрозненные, отрывочныя свѣдѣнія о всѣхъ мерзостяхъ большевиковъ по отношенію къ православной религіи и ея представителямъ:

„Если бы кто захотѣлъ въ самыхъ общихъ чертахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ красочно и сильно обрисовать существо нашей великой революціи, то онъ легко могъ бы воспользоваться для этого уже готовымъ шаблономъ. Грозное пророчество Исаи даетъ намъ тѣ рамки, въ которыя какъ нельзя лучше укладывается картина „русскаго“ „освободительнаго“ движенія 1917 и слѣд. годовъ.

„Отнялъ у насъ Богъ всякое подкрѣпленіе хлѣбомъ и всякое подкрѣпленіе водою — возглашаетъ пророкъ (3, 1—7) — храбраго вождя и воина, судью и пророка, прозорливица и старца, совѣтника и мудраго, художника и оратора, и далъ намъ отроковъ и начальника, и дѣти господствуютъ надъ нами. И одинъ угнетается другимъ, и каждый ближнимъ своимъ. Юноша нагло превозносится надъ старцемъ и простолудинъ надъ вельможей. И мы хватаемся за перваго встрѣчнаго челоуѣка и, говоримъ: „у тебя хоть есть одежда,

нами". Но онъ отвѣчаетъ съ клятвой, — „я не могу исцѣлить ранъ общества, а въ домѣ моемъ нѣтъ ни одежды, ни хлѣба, не дѣлайте меня вождемъ народа“. „И наши, нѣкогда честныя, нѣкогда прекрасныя лица — продолжаетъ Исая (30, 16 — 17) — покрытыя шлемомъ защиты родины, нынѣ опозорены печатью всяческой слабости, всяческаго страха, и позорный ужасъ владѣетъ нашими душами, когда отъ угрозы одного тысяча насъ бросается въ бѣгство, а отъ угрозы пяти бѣжимъ всѣ мы“.

Но на фонѣ этой всеобщей растерянности, той сумбурной неразберихи, которыми характеризуются по существу „свѣтлые дни нашихъ свободъ“, можно отмѣтить одно теченіе, являющееся теченіемъ въ высшей степени планомѣрнымъ. Это теченіе, накидывающее на все революціонное движеніе особый специфическій отпечатокъ, внѣшнее выраженіе свое получаетъ въ походѣ противъ церкви, вѣрнѣе, противъ христіанской религіи или даже противъ православія, какъ бывшей государственной религіи бывшей Россіи. Эта борьба ведется неукоснительно, упорно, непрерывно, — явно, грубо и нагло, если превосходство нападающаго безспорно или подпольнымъ образомъ, дипломатическимъ и втихомолку, если открытое нападеніе оказывалось опаснымъ или неудобнымъ.

Не нужно лишнихъ словъ. Пусть говорятъ факты. Уже въ самомъ началѣ революціи отношеніе революціонной Россіи достаточно проявилось въ томъ злобномъ мнѣніи предводительствуемой г. Миноромъ Московской Думы которое раздавалось вокругъ Церковнаго Собора о выборахъ патріарха. Съ „полѣвнѣемъ“ революціи платоническое мнѣніе смѣняется болѣе активными дѣйствіями. Епископы Владимиръ (Кіевъ), Гермогенъ (Тобольскъ), Андроникъ (Пермь), Пименъ и другіе, наряду съ безконечнымъ количествомъ низшаго духовенства были принесены въ жертву на алтарь свободы, равенства и братства. Храмы передаются „коллективамъ вѣрующихъ“ и дочиста ими обворовываются („Сиб. ж.“ № 8 1919 г.). Затѣмъ въ оскверненныхъ церквяхъ устраиваются или школы („Русс. Рѣчь“ № 8 1919 г.) или склады аммуниціи („Сиб. ж.“ № 81, 1919 г.) или столовые, чайныя и даже публичныя дома („Сиб. ж.“ № 3, 1919 г.). Въ лучшемъ случаѣ храмы запираются („Русс. Рѣчь“ № 25, 1919 г.). Читыя върующими-мощи поругиваются и выбрасываются. Такъ были осквернены мощи св. Логина („Сиб. ж.“ № 6, 1919 г.), св. Артемія изъ Пинеги, св. Тихона Задонскаго, св. Митрофана Воронежскаго, св. кн. Константина, св. Михаила и Федора, св. Макарія Колязинскаго, св. епископа Іоанна и Феодора Суздальскихъ и др. („Р. Рѣчь“ № 72, 1919 года). Служители церкви, почему либо оставшіеся въ живыхъ, подвергаются всяческимъ униженіямъ. Ихъ принуждаютъ къ самымъ тяжелымъ, не соответствующимъ сану работамъ: заставляють чистить улицы, убирать

снѣгъ, мыть казармы, чистить выгребныя ямы и клозеты („Сиб. ж.“ № 3, 1919 г.; „Русская Рѣчь“ № 86, 1919 г.). При этомъ нужно имѣть въ виду, что всѣ нападки имѣютъ въ виду священнослужителей — христіанъ, преимущественно православныхъ: протестантовъ, мусульманъ и евреевъ политика большевиковъ не затрагиваетъ („Русская Рѣчь“ № 72 и 73, 1919 г.). Христіанскіе праздники отмѣнены. Для вящаго отмѣненія этого обстоятельства совѣтскимъ служащимъ вмѣнено въ нарочито контролируемую обязанность явиться въ дни таковыхъ праздниковъ для отправленія служебныхъ функцій. Послѣдствіемъ несоблюденія указаннаго предписанія является увольненіе недостаточно либерально-мыслящаго служащаго: („Р. Рѣчь“ № 86, 1919 г.). Травля православія яростно ведется и въ прессѣ, причемъ, напримѣръ, клише государственныхъ каррикатуръ, вырабатываемая въ массахъ фабричнымъ способомъ разсылаются изъ центра въ провинціальныя изданія („Русская Рѣчь“ № 72, 1919 г.). Эмблема христіанства — крестъ, а также и иконы удалены изъ всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ зданій.

Въ Саратовскомъ Дворѣ Народа операцію удаленія продѣлалъ собственноручно Лейба Бронштейнъ (Троцкій). Даже частныя лица не могутъ носить натѣльный крестъ и имѣть въ жилищѣ иконы невозбранно: возможность исполненія христіанскаго обычая обложена особымъ налогомъ („Сиб. Ж.“ № 3, 1919 г.; „Русская Армія“ № 28, 1918 г.) Сообразно этому далѣе чтеніе Евангелія разсматривается какъ тяжкое преступленіе: изъ Перми были переданы свѣдѣнія, что тамъ имѣли мѣсто подобнаго рода процессы предъ революціоннымъ трибуналомъ. Къ сказанному нельзя еще не добавить, что величайшія святыни всей православной Россіи — Московскій Кремль подверглись обдуманному и систематическому разрушенію. О размѣрахъ послѣдняго можно судить по чрезвычайно интересному изданію епископа Камчатскаго (сп. Несторъ Камчатскій. Разстрѣлъ Московскаго Кремля. — 27 окт., 3 ноября 1917 г. — М. 1917). Изъ приложенныхъ къ изданію официальныхъ актовъ видно также, что это разрушеніе, произведенное въ дни большевистскаго переворота, отнюдь не могло оправдываться какими-либо „стратегическими“ соображеніями происходившаго тогда уличнаго боя. Разрушить кремлевскія святыни такимъ образомъ, какъ онѣ разрушены, могла только сильная и неукротимая ненависть къ той религіи, которая эти святыни создала . . .

Въ такомъ видѣ предстааетъ передъ нами та революціонная дѣятельность на интересующемъ поприщѣ, которая можетъ быть названа дѣятельностью разрушающей отрицательной. Но она имѣетъ и другую сторону — создающую. На мѣсто разрушаемаго стараго она вноситъ, по крайней мѣрѣ, пытается внести нѣчто новое. Свѣдѣнія объ этомъ, новомъ правя дельнои скульпны, но тѣмъ не менѣе . . .

вычайно характерны. Нововведенія сводятся къ слѣдующему. Христіанскіе праздники уничтожены, уничтожено даже значеніе воскресенья, но взамѣнъ послѣднаго по сообщенію газеты „Русская Рѣчь“ установлено празднованіе субботы. Кресты и иконы изъяты по возможности изъ употребленія, но взамѣнъ ополченскаго креста на головномъ уборѣ красноармейцевъ и взамѣнъ знаковъ Краснаго Креста на продовольственныхъ карточкахъ госпиталей помѣщается кабалистическій знакъ пятиугольной звѣзды (пентаграммы). Такъ сообщаетъ та же газета. Знакъ пентаграммы красуется и на печатяхъ, которыми опечатываются храмы. — это свидѣлствуютъ лица, прибывающія изъ царства совѣтовъ. Изображенія Христа и Святителей поруганы, осквернены, за то въ Тамбовѣ воздвигнутъ памятникъ Иудѣ Искариотскому — таково одно изъ послѣднихъ свѣдѣній по занимающему насъ вопросу, помѣщенное на страницахъ газеты „Сибирская Жизнь“ (№ 89, 1919 г.).

Подводя итоги, можно съ большимъ успѣхомъ воспользоваться сравненіемъ почерпнутымъ изъ Апокалипсиса „Жена облеченная въ солнце“ и принужденная скрываться отъ дракона въ пустынѣ (12, 1 и 6), съ одной стороны и торжествующая блудница вавилонская, „облеченная въ порфиру и багряницу“ (16, 4 и 5), съ другой — вотъ прообразъ того столкновенія христіанскаго уклада съ социалистической революціей, которое мы переживаемъ. Именно социалистической, ибо послѣ прибытія въ Москву Чернова и Ко., публичнаго покаянія передъ большевиками Керенскаго и резолюціи „Средне-сибирскаго совѣщанія“ (см. „Р. Рѣчь“ № 86, 1919 г.) только окончательно ослѣпленный и безнадежно лицепріятный человекъ можетъ говорить о томъ, что большевики это — о́дно, а социалисты — другое.

Итакъ, вотъ основной мотивъ „великой русской революціи.“ Возгорѣвшаяся и продолжающаяся борьба, борьба ссціализма и христіанства, вѣры въ земной рай и вѣры въ царство небесное . . . И если бы понадобилось подчеркнуть противоположность враждующихъ началъ возможно сильнѣе, то лучше всего это можетъ быть сдѣлано въ словахъ — „Христось и Антихристъ.“

Если бы со временемъ удалось собрать такія же свѣдѣнія по всѣмъ епархіямъ Россіи, то получится поистинѣ потрясающая картина: если послѣ первой революціи жизнеописанія жертвъ ея въ изданіи покойнаго В. М. Пуришкевича заняли 13 томовъ „Книги Русской Скорби“, то, думается, что подобное же изданіе о жертвахъ переживаемой революціи превзойдетъ размѣры большаго энциклопедическаго словаря.

Остановимся мысленно съ чувствомъ глубокой скорби передъ невѣдомыми могилами этихъ страдальцевъ.

Открытое письмо къ англичанамъ Генерала Князя Авалова.

Главнокомандующаго русскою западною добровольческою арміею.

Въ седьмомъ выпускѣ Двуглавнаго Орла (стр. 41—43) было помѣщено письмо генерала Гофа генералу Юденичу; полагаю, что въ виду этого читателямъ будетъ интересно прочесть вызванный этимъ письмомъ отвѣтъ генерала Князя Авалова, напечатанный имъ въ № 13 пятницы 18 мая 1921 года, вечерняго изданія „Das Deutsche Abendblatt“. Приводимъ дословно переводъ этого несомнѣнно яркаго документа.

Русская газета „Руль“ въ № 123 напечатала довольно грубое письмо пресловутаго англійскаго генерала Гофа къ генералу Юденичу.

Всѣхъ русскихъ офицеровъ, которые для блага своей Родины склонны идти заодно съ Германіей, генераль Гофъ называетъ идиотами, короткой памяти. Съ точки зрѣнія генерала Гофа, несомнѣнно одареннаго качествами ловкаго коммерсанта, такое сужденіе пожалуй вполне правильно, такъ какъ всѣ эти генералы, которые работали и работаютъ съ Антантою приобрѣли виллы, ордена подвязки (*honu soit qui mal у repense*), фунты и франки, между тѣмъ какъ мы, къ великому нашему нравственному удовлетворенію, работающіе заодно съ Германіей, не имѣемъ ни одного пфеннига. Это происходитъ отъ того, что никто изъ насъ не былъ способенъ продавать свое отечество. Никогда Германія не позволила бы себѣ такъ злоупотребить нашею дружбою и такъ использовать затруднительность нашего положенія, какъ это сдѣлала Антанта. Въ виду этихъ обстоятельствъ я считаю своимъ долгомъ отвѣтить на письмо генерала Гофа, такъ какъ слабодушный генераль Юденичъ несомнѣнно не послѣдовалъ примѣру генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ, который, на попытку одного изъ англійскихъ генераловъ оскорбить нѣмецкихъ солдатъ, отвѣтилъ такъ, какъ и можно было ожидать со стороны истиннаго патріота и офицера лучшей въ мірѣ арміи.

Въ минувшую войну храбрая русская армія въ теченіи одного года не разъ спасала положеніе Антанты, потерявъ при этомъ личишь своихъ офицеровъ и солдатъ. Союзники готовились торжествовать побѣду, которую должна была подготовить имъ русская армія. Походомъ въ Восточную Пруссію былъ спасенъ Парижъ и т. д. — Насъ завело бы слишкомъ далеко подробное перечисленіе дальнѣйшихъ событий.

Помощь союзниковъ во время борьбы съ большевизмомъ была проникнута такою „искренностью“ и была такъ „хорошо организована“, что много разъ русскіе офицеры и солдаты, попадая во власть большевиковъ, находили тамъ свою гибель (смерть адмирала Колчака). Одинъ словомъ — одною рукою давали ядъ, а другою молоко въ противоядіе.

Русскіе офицеры, не пожелавшіе признать большевизма, изгнаны изъ отечества и несутъ такую тяжелую долю, какой никогда не переживали офицеры другихъ странъ. Отъ души желаю врагамъ Россіи и ихъ офицерамъ пройти черезъ такія же испытанія и тогда обнаружится, кто достоинъ своей родины, тѣ ли, которые, оставаясь равнодушными свидѣтелями пролитія русской крови во время безсмысленнаго и неподготовленнаго похода на Петроградъ, сами въ это время съ успѣхомъ играли на биржѣ, или тѣ русскіе офицеры, которые въ теченіе 11 мѣсяцевъ не получали ни жалованія, ни продовольствія, ни обмундированія.

Перехожу къ опроверженію письма Гофа по пунктамъ:

1) То, что со стороны нѣмцевъ никогда не было никакихъ интригъ, это знаю я, какъ единственный главнокомандующій, указавшій русскимъ путь открытій передъ ними для спасенія родины, а именно „идти рука объ руку съ Германіей“. Такое мое убѣжденіе я подтвердилъ моимъ совмѣстнымъ выступленіемъ съ Германією.

2) Вполнѣ понятно, почему Сѣверо-Западная армія до прибытія генерала Гофа дѣйствовала успѣшно и была большевиковъ: просто потому, что никто ей не мѣшалъ. Если потомъ наступилъ нѣкоторый упадокъ духа, то объясняется это тѣмъ, что многіе изъ состава арміи невольны вспомнили свои тяжелыя переживанія въ Одессѣ и въ Кіевѣ, гдѣ за оказанную Антантѣ помощь, пришлось расплачиваться кровью.

Помощь Антанты приносила мало пользы, потому что ихъ агенты во все вмѣшивались. Дальновидными оказались тѣ русскіе, которые пытались перерѣзать нити, связующія насъ съ Антантою: они очевидно уже тогда предвидѣли такія случаи, какъ принудительная эвакуація тѣхъ несчастныхъ 6.000 казаковъ, которые были выданы большевикамъ на явную смерть. Большою смѣлостью, чтобы не сказать болѣе, представляется требовать отъ русскихъ, чтобы они памятовали статьи мирнаго договора. Только какой нибудь генераль Гофъ способенъ предъявить такое требованіе и принять его можетъ только какой нибудь генераль Юденичъ. Русскіе не подписывали мирнаго договора и потому не намѣрены даже его читать. Также какъ и я, мои единомышленники предвидѣли, что у благородныхъ рыцарей Антанты къ ихъ стыду, хватить мужества утверждать, что за пролитую кровь можно уплатить испорченными танками и иною подобною дрянью. Къ тому же за эту, такъ называемую, помощь выставлялись несообразно высокія цѣны.

Неправда, будто бы русская армія развращена нѣмцами при посредствѣ большевизма. Пусть отвѣтственность за это несутъ господа Керенскій и Гучковъ также какъ ихъ вождь и пособникъ, бывшій англійскій посолъ сэръ Бьюкененъ. Въ первые дни революціи къ Бьюкенену являлась возмущаемая мною депутація офицеровъ и этой депутаціи

Бьюкененъ сказалъ, что надо углублять революцію для спасенія Россіи.

Если Германія тоже причастна проникновенію большевизма въ Россію, то сдѣлала она это для побѣды надъ врагомъ, потому что, ведя войну, не играла въ футъ-боль, а упорно боролась. Это говорю я, четыре раза раненный нѣмецкими пулями.

Въ заключеніе объявляю всѣмъ желающимъ слышать:

Если годъ тому назадъ моя западная армія не заняла Москвы, то произошло это только отъ того, что Антанта, преслѣдуя собственныя эгоистическія цѣли, вступленія въ Москву не хотѣла. Для этого она закрыла нѣмецкую границу и одновременно запретила наступленіе на большевиковъ (объ этомъ имѣется на лицо документъ подписанный англійскимъ полковникомъ Робинсонъ). Иначе бы я сумѣлъ бы дать всѣмъ врагамъ Россіи надлежащую отвѣдь, какъ я не разъ доказалъ это въ Балтійскомъ краѣ.

Я хотѣлъ бы, настоятельно напомнить генералу Гофу, слѣдующее характерное происшествіе. Когда линія Торенсбергъ-Больдера была занята моими войсками, къ командиру I баталіона, пластунскаго полка пріѣхалъ англійскій офицеръ. Убѣдившись въ томъ, что Больдера занята русскими войсками этотъ офицеръ отправился на квартиру баталіоннаго командира полковника Ревелина и пилъ чай изъ кружки русскаго солдата; а двадцать минутъ спустя, когда англійскій офицеръ вернулся на свое судно, со всѣхъ судовъ было открытъ жестокой огонь по русскимъ позиціямъ и конечно съ вѣдома генерала Гофа. Происходилъ этотъ обстрѣлъ русскихъ солдатъ, которые только что передъ тѣмъ гостеприимно встрѣтили англійскаго офицера.

Въ своемъ письмѣ генераль Гофъ высказываетъ мнѣніе, что въ Россіи будетъ править „демократія“. Станетъ вполне ясно о какой „демократіи“ говоритъ генераль Гофъ, если сопоставить, съ одной стороны, ту сомнительную помощь, которую Антанта оказываетъ въ борьбѣ противъ большевиковъ, и, съ другой стороны, тотъ договоръ, который она съ ними заключила. Вотъ гдѣ зарыта собака!

Все это было для меня совершенно ясно уже три года тому назадъ, почему я и отказался отъ сотрудничества съ „союзниками“. Но, кстати, пусть генераль Гофъ запомнитъ что не ему рѣшать вопросъ о томъ, кто будетъ править въ Россіи. Это мы русскіе и сами знаемъ.

Я намѣреваюсь издать въ ближайшемъ будущемъ мои воспоминанія съ приложеніемъ документовъ. Эти документы дадутъ возможность судить о томъ, кто заслуживаетъ клички, „Идиота“. Тѣ ли русскіе офицеры, которые для спасенія своего отечества шли рука объ руку съ Германією или тотъ, кто имъ даетъ эту кличку, чтобы не сказать о немъ болѣе.

Всякому, кто почувствуетъ себя оскорбленнымъ настоящимъ моимъ письмомъ, я готовъ дать удовлетвореніе конечно посколькy онъ вообще имѣетъ право на такое.
Дистанція — шесть шаговъ.

Письмо Русскаго Комитета и Совѣта Русскаго Общественнаго Собранія въ Берлинѣ Предсѣдателю Совѣта Министровъ Королевства Сербовъ, Хорватовъ и Словенцевъ г. Пашичу.

Ваше Превосходительство,

Русское Общественное Собрание и Русскій Комитетъ въ Берлинѣ, объединяющіе широкіе круги пребывающихъ въ Германіи Русскихъ бѣженцевъ, возложили на меня почетную обязанность выразить Вашему Превосходительству глубокую благодарность Русскихъ людей за братское гостепріимство оказанное Сербскимъ Королевскимъ Правительствомъ и Сербскимъ Народомъ участвовавшимъ участникамъ арміи Генерала Врангеля.

Вынужденные послѣ геройскаго сопротивленія уступить подавляющей силѣ, эти участники добровольческой арміи, по эвакуаціи изъ Крыма, оказались передъ необходимостью ужаснаго выбора, или вернуться въ Россію во власть большевиковъ на вѣрную гибель, или отправиться въ вѣчное изгнаніе въ невѣдомыя дали Бразиліи и тутъ, когда по отношенію къ нимъ со стороны бывшихъ союзниковъ, казалось, были забыты всякія понятія о благородствѣ, состраданіи и чловѣколюбіи, Сербія открываетъ передъ ними двери и даетъ имъ возможность спокойно жить и честно трудиться среди близкаго имъ по крови и вѣрѣ народа.

Проникнутые чувствомъ глубочайшей благодарности, мы просимъ Ваше Превосходительство вѣрить, что память объ этомъ не умретъ на Русскихъ сердцахъ и тогда когда намъ и нашимъ сыновьямъ дано будетъ, по милости Божіей, увидать вновь возстановленное величіе нашей Родины.

П о д п и с а л ь : Предсѣдатель Русскаго Комитета и Совѣта Русскаго Общественнаго Собранія въ Берлинѣ.

Ал. Римскій-Корсаковъ.

3/26 Вскр. Недѣля 1-я по Пятидесятницѣ. Всѣхъ Святыхъ. (Мѣ. X, 1
32-33, 37-38; Мѣ. XIX, 27-30). Начало Петрова поста. — Взятіе
крѣпости Выборгъ 1710.

Не время дорогого пора.

14/27 Пнд. Св. Прор. Елисея, св. Меѳодія, патр. Констант. † Благов.
кн. Мстислава Георгія-Храбраго Новгородск.; преп. Меѳодія
Пѣсношск., Елисея Сумск. — День рожденія ея Император-
скаго Высочества Великой Княгини Маріи Николаевны. —
Взятіе Эрзерума гр. Паскевичемъ 1829.

Отколѣ гроза, оттолѣ и ведро.

15/28 Втрн. Св. прор. Амоса; † св. Іоны, митр. Московск., преп. Іеронима
Стридонск.; св. Лазаря, кн. Сербск. — Переходъ черезъ
Дунай у Зимницы (ген. М. И. Драгомировъ) 1877.

Бываетъ добро, да не всякому равно.

Редакция журнала „Двуглавый Орель“ обращается ко всем читателям и особенно к лицам, сочувствующим направлению журнала, с просьбой присылать с мѣст статьи, замѣтки, корреспонденціи и прочій литературный матеріаль. Это дало бы возможность журналу наиболѣе всесторонне освѣщать то русское дѣло, которому онъ служить.

Въ редакціи журнала „Двуглавый Орель“ (Berlin-Friedenau, Friedrich-Wilhelm-Platz 13II) продаются слѣдующія изданія:

1. „Двуглавый Орель“, Органъ монархической мысли. Цѣна выпуска — 5 мар.

2. „Правда о Царской Семѣ и темныхъ силахъ“ В. Руднева, товарища Прокурора Екатеринославскаго окружного суда, командированнаго министромъ юстиціи Керенскимъ въ чрезвычайную слѣдственную комиссію по разсмотрѣнію злоупотребленій бывшихъ министровъ, главноуправляющихъ и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ. Цѣна 5 мар.

3. „Земля—дающимъ хлѣбъ“. Брошюра Земскаго. Цѣна 3 мар.

4. „Лучъ свѣта“. Литературно-политическій журналъ, №№ 1—3

Въ № 3 помѣщено изслѣдованіе извѣстнаго знатока іудейства С. А. Нилуса, заключающее въ себѣ тайные протоколы Собранія Мудрецовъ Сіона. Цѣна №№ 1 и 2 по 5 мар., № 3—18 мар.

Двухнедѣльный журналъ

Двуглавый Орель

выходить 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца.

Продажа отдѣльных выпусковъ и пріемъ объявленій производятся въ конторѣ журнала (Berlin-Friedenau, Friedrich-Wilhelm-Platz 13II.) ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, отъ 11 до часу дня.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Берлинѣ

5 марокъ.